

КУЛЬТОВЫЙ МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР

ВИКТОРИЯ АВЕЯРД

РАЗРУШЕННЫЙ ТРОН

МИР ЗАПОМНИТ ТЕБЯ

18+

Виктория Авеярд
Разрушенный трон
Серия «Young Adult. Мировой
бестселлер Виктории Авеярд»
Серия «Алая королева», книга 5

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66960283

В. Авеярд. Разрушенный трон: ООО «Издательство «Эксмо»; Москва;

2022

ISBN 978-5-04-163397-4

Аннотация

Добро пожаловать снова в опасный мир красных и серебряных, разделенных по цвету крови!

«Разрушенный трон» завершает серию бестселлеров Виктории Авеярд, повествуя о том, что происходило до и после событий, описанных в серии.

ДО

История матери Кэла, Корианы: ее путь от дочери благородного Высокого дома до королевы Норты. Новелла о миссиях семьи Фарли до их встречи с Шейдом и Мэрой Берроу.

ПОСЛЕ

Новелла о судьбах Эванжелины и Элейн, их жизни в Монфорте. О взаимоотношениях Мэры и Кэла после расставания. Последнее столкновение Кэла и Мэйвена.

В этой уникальной коллекции историй из мира «Алой королевы» вас также ждут дневниковые записи, карты земель, архивные документы, генеалогические древа, биографии и новые детали. И не только...

СЕРИЯ РОМАНОВ ПЕРЕВЕДЕНА НА 40 ЯЗЫКОВ!

Содержание

Песнь королевы	35
Стальные шрамы	125
Конец ознакомительного фрагмента.	156

Виктория Авеярд

Разрушенный трон

Victoria Aveyard

Broken Throne: A Red Queen Collection

Copyright © 2019 by Victoria Aveyard

Endpapers and map © & ™ 2019 Victoria Aveyard

© Лидман М., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

*Поверить не могу, что вы были со мной так
долго.*

Спасибо вам.

Во время моих исследований в Норте всегда оказывалось, что я работаю с промежутком времени, очень близкому к событиям, известным нам как Бедствия. Меня всегда завораживала история нашего далекого прошлого – а также уроки, которые мы из него извлекли. К сожалению, в истории до появления Серебряных всегда были белые пятна, поскольку первоисточники тех времен по большей части утрачены.

Увековеченными в истории можно считать только относительно недавние события (под “недавними” я имею в виду события, произошедшие в пределах последних полутора тысяч лет). Несмотря на то, что их достоверность уже не подвергается сомнению, они все еще имеют существенное значение как первые шаги на нашем историческом пути.

Таким образом, все мои исследования должны придерживаться действующей хронологии и соотноситься с данными как архивов Дельфи, так и хранилищ горы Рог (примечание: даты приводятся на основании летоисчисления Норты; приношу свои извинения Республике):

1. с. э. – Старая эра, до основания Норты
2. н. э. – Новая эра, с основания Норты

До 1500 с. э.: Цивилизация, существовавшая на континенте, находится в нестабильном состоянии после Бедствий

1500 г. с. э.: Начало периода Реформации – цивилизации континента начинают восстанавливаться и отстраивать населенные пункты
950 г. с. э.: Суд над Барром Рамблером – самое раннее доступное свидетельство существования Серебряных (сильнорук демонстрирует свои способности во время суда за воровство)

Примерно 900 г. с. э.: Основание династии Финиксов; об-

разование королевства Сирон, старейшего королевства Серебряных (согласно сведениям сиронских архивов)

200 г. с. э.: После гражданской войны королевство Тиракс становится триумvirатом – и сохраняет эту форму правления и по сей день

180 г. с. э.: На территории современного Монфора образуется королевство Тетония. Тетония – одно из многих небольших королевств и государств, появившихся в горах

72 г. с. э.: Благодаря завоеваниям Дома Сигнетов образуется королевство Озёрный край

0 г. н. э.: Образование современной Норты. Во главе государства встает династия Калоров – небольшие королевства и города-государства региона объединяются в единую державу

2 г. н. э.: Между Нортой и Пьемонтом заключается династический брак, формируется основа давних связей между двумя государствами

170–195 гг. н. э.: Пограничные войны между Озёрным краем и различными военачальниками Прерий

200 г. н. э.: Между Нортой и Озёрным краем начинается

296 г. н. э.: Дэйн Дэвидсон, будущий премьер-министр Свободной Республики Монфор, бежит из Норты

321 г. н. э.: Гражданская война Норты – отделение Разломов, отречение короля Тиберия Седьмого, падение королевства Норты, отречение короля Разломов Птолемуса, отречение королевы Разломов Эванжелины, образование Штатов Норты

Выше приведены избранные исторические факты, которые можно найти почти в любой сносной книге от Асцендента до Причальной Гавани. Меня не слишком интересует то, что уже было мне известно, как не интересует и ученых горы Рог. К огромному огорчению Сары, после нескольких недель исследований я попытался составить своего рода краткий обзор событий, произошедших до Реформации. Стоит отметить, что эта информация вряд ли имеет научную ценность и в настоящее время ее невозможно согласовать. Многое из того, с чем я столкнулся, прямо противоречит другим источникам, поэтому я попытался хотя бы частично сопоставить их с принятым летоисчислением.

Больше всего пользы в этом деле принесла скрупулезно собранная коллекция бумажных ежегодников и буклетов, которая хранится в помещении со специально поддержива-

емым микроклиматом и уровнем давления глубоко в подвалах горы Рог. Согласно записям, они хранились там еще до основания Монфора, более тысячи лет, с тех пор, как хранилища были впервые запечатаны. Могу предположить, что поначалу они были созданы для того, чтобы пережить Бедствия, и туда была помещена информация, которая должна была пережить своих владельцев. Несколько документов, по видимому, относятся к одному и тому же набору и содержат то, что когда-то было очень красивыми фотографиями. Переводить эти документы было трудно, но не невозможно. Один набор, возможно, назывался “Географией нации” (что-то около того), в то время как второй подписан только словом “Время”.

Я также чрезвычайно проникся некоторыми иллюстрированными книгами, в которых подробно описывались подвиги борющегося с преступностью, охваченного тревогой человека-летучей мыши.

Во-первых, мы должны двигаться в обратном направлении от фиксированной точки в истории. Для нас ориентиром выступает 1500 г. до н. э., время начала Реформации. Все, что было до и во время Бедствий, окутано историческим туманом, и миф здесь часто опережает факт.

Нам точно известно, что Бедствия фактически уничтожили или серьезно ослабили цивилизации, существовавшие до нашей. Им был причинен настолько серьезный вред, что мы все еще даже сейчас вынуждены по крупицам восстанавли-

вать хронологию происходящих в то время событий.

Согласно источникам горы Рог, первым из так называемых Бедствий – самым разрушительным и продолжительным – было катастрофическое изменение климата из-за масштабного глобального загрязнения. На протяжении десятилетий ситуация усугублялась, и каждый год был хуже предыдущего. На большую часть мира обрушилась засуха, включая земли, граничащие с океанами, окружающими наш континент, места, которые я еще не начал постигать.

Вполне возможно, этих земель за пределами нашего континента больше не существует или они все еще находятся в своих собственных периодах реформации. Война и личные интересы ограничились Серебряные королевства, так сказать, нашими собственными задворками. Возможно, то же самое можно сказать и о других территориях.

Со временем засуха привела к сельскохозяйственному коллапсу, голоду, миграции и беспорядкам. В пострадавших районах началась война, причем многие беженцы пытались бежать в регионы, все еще производящие продовольствие. Повсюду вспыхивали войны за ресурсы, и зачастую предметом спора была вода, топливо, земля и т. д. В основном это проявлялось в столкновениях между организациями или между организациями и коренными народами. Очень немногие крупные правительства непосредственно конфликтовали в первые годы войн за ресурсы.

Изменение климата привело к возникновению смертоносных ураганных систем как на суше, так и на море, что вынудило многих людей переселиться с побережья в глубь страны, где они столкнулись с метелями, ледяными бурями, торнадо и вызванными засухой длительными песчаными бурями. Быстро меняющийся температурный фон фактически подтолкнул людей к краю пропасти, одновременно став причиной вымирания многих растений и животных. Повышение уровня моря также способствовало эффекту “запирания”, вынуждая население переселяться на все более и более ограниченные территории. Было также сильное наводнение, которое изменило устье Великой реки и ландшафт прилегающего региона, затопив сотни миль суши, образовав береговые линии, которые мы знаем сегодня.

В сочетании с наводнениями масштабные землетрясения изменили западное побережье, и на том месте, где когда-то была огромная долина, появилось море.

На северо-западе начали извергаться давно потухшие вулканы, выбрасывая в воздух мегатонны пепла.

Интересно отметить, что, хотя многочисленные землетрясения и стихийные бедствия опустошили континент, самый страшный катаклизм так и не произошел. Согласно сохранившимся текстам, ученые и гражданские лица были невероятно обеспокоены возможностью извержения вулкана, кальдера которого в настоящее время находится под Райской долиной.

Упомянутое извержение изменило бы климат во всем мире и уничтожило бы большую часть континента, на котором мы сейчас живем. Во времена создания сохранившихся текстов ученые постулировали, что извержение в бассейне кальдеры должно было произойти давным-давно. На настоящий момент мы вышли далеко за пределы прогнозов. Я буду обращаться к премьер-министру и Народному собранию с просьбой создать группу аналитиков и ученых для наблюдения за Райской долиной и спящим гигантом под ней.

Неудивительно, что в разгар такой паники во многих регионах появилась болезнь, которая распространилась даже на “благополучные” группы людей. Многие болезни были мутировавшими версиями менее опасных или ранее искорененных болезней, которые распространялись среди защищенных до этого слоев населения. Миллионы людей во всем мире умерли от болезней, которые когда-то считались излечимыми, и большинство цивилизаций начали разваливаться.

Все это, конечно, было действиями природы или, как могут возразить некоторые, действиями богов. Не так обстоит дело с последним из Бедствий, актом выбора и поступком людей. Сегодня у нас есть самое разнообразное вооружение, бомбы и ракеты разного размера и качества, но ничто не сравнится с чудовищным оружием, созданным нашими предками. Каким-то образом, разделив мельчайшие кусочки существования, ученые старого света обнаружили, что могут создавать самое разрушительное оружие под названи-

ем “ядерные бомбы”. Во время различных описанных выше катастроф они использовались во всем известном мире с разной степенью разрушения. Еще до начала ядерной войны правительства и граждане опасались этого оружия. Многие в мире планировалось исходя из его существования. Хранилища на горе Рог были спроектированы так, чтобы пережить атаку таким оружием, и были вырезаны глубоко в горах. Согласно хранящимся там текстам, наш собственный континент был в значительной степени избавлен от наихудшего исхода, связанного с использованием этого оружия. За океаном есть земли, которых больше не существует: теперь они либо покрыты льдами, либо занесены песком, сравненные с землей гневом немногих людей и невежеством многих. Гораздо хуже, чем сами бомбы, были, по-видимому, последствия их использования. Лучевая болезнь распространялась вместе с дымом и пеплом. Целые страны были стерты с лица Земли, цивилизации рушились. Так обстоит дело на нашем собственном континенте, о чем свидетельствуют руины Болот и Винтов. На этих землях, отравленных деяниями тысячелетней давности, уровень радиации все еще слишком высок, чтобы можно было вновь их заселять.

Несмотря на обнаруженную в ходе моих исследований информацию, я считаю уровень разрушений, причиненных с помощью военных технологий, просто немыслимым. В дальнейшем я постараюсь найти подтверждения этим выводам. Это

просто невозможно. Даже самый сильный Серебряный не способен сравнять с землей целый город, и даже наши бомбы не могут перелететь через океан, чтобы испепелить десятки тысяч людей. Возможно, это мое собственное невежество, но мне не понять, как миллионы людей могут погибнуть по приказу одного человека.

Во времена Бедствий существует несколько фиксированных временных точек. Особенно они связаны с длительными событиями, такими как изменение климата, которое все еще в значительной степени влияет на наш собственный мир.

Ученые Монфора пытались ковыряться во льду (что не совсем мне понятно), но предположительно их работа на севере бесценна для исследований периода, предшествующего Реформации, и даже для исследований самих Бедствий. Когда их находки станут доступны, я запишу о них все, что смогу, но пока что, согласно ранним отчетам, можно сказать, что где-то около двух тысяч лет назад на крайнем севере произошло выпадение радиоактивного пепла. Это означает, что примерно в 2000 г. с. э., за пятьсот лет до Реформации, произошел как минимум один ядерный конфликт. Тогда мы сможем точно установить, что настоящий коллапс, по крайней мере на нашем континенте, продолжался полвека, прежде чем началось восстановление цивилизаций.

Соединение временного отрезка Реформации и актов ядерной войны с временами, предшествующими появлению

Серебряных, – сложный процесс, и мы снова должны искать точки сопоставления. В сохранившихся текстах есть несколько упоминаний о катастрофической засухе, в которых используется дата 2015 г. н. э. (по старому летоисчислению иногда еще записывается как “хр. э.”; это может быть ошибкой перевода – надо проверить) и последующие. Другие события Бедствий, такие как землетрясения, повышение уровня моря, ураганы и тому подобное, упоминаются в сохранившихся текстах на протяжении пятидесяти-шестидесяти лет, но к концу сборника становится понятно, что эти явления становятся все больше и масштабнее. Однако по сравнению с землетрясением, которое раскололо западное побережье, и наводнением, которое изменило дельту Великой реки, они невелики.

Опять же, перевод может быть не совсем точным. Некоторые тексты различаются по качеству сохранности, и, к моему удивлению и огорчению, не многие согласуются в описании серьезности и масштабов событий, особенно когда речь заходит о климате. В то время как одна запись может считать теплую зиму предвестником катастрофического изменения климата, другая не придает тому же периоду времени должного внимания или подчеркивает значение более холодной зимы в другом месте. Эта закономерность очень тревожит, хотя я предполагаю, что большинство из тех, кто читал эти документы, могли определить предвзятость подачи информации, а также ложь или манипуляции.

Мне удалось найти упоминание о небольшой ядерной атаке, датированной 2022 годом н. э. Я не смог понять, кто участвовал в боевых действиях; смог определить только то, что инцидент произошел на другом континенте, вдали от крупных населенных пунктов, в холодном климате. Это наводит меня на мысль, что это была демонстрация силы, а не акт войны – если можно поверить в такую глупость. Однако если рассматривать произошедшее, учитывая время выпадения радиоактивного пепла, это означает, что как минимум 2000 год н. э. по нашему летоисчислению, возможно, был эквивалентен 2022 году н. э. по летоисчислению до Бедствий. Но, если на меня надавить, я бы предположил, что эти даты разделяет какой-то промежуток времени, возможно, десятилетие или даже столетие. Исследования продвигаются медленно, но я чувствую, что мы движемся в правильном направлении и информация, которую я смогу найти, будет жизненно важна для нашего будущего.

Если что-нибудь случится с хранилищами горы Рог, наша собственная цивилизация утратит всю связь с прошлым и теми предупреждениями, которые у нас остались. Поэтому я буду осуществлять руководство над переводом максимально возможного количества более поздних томов сохранившихся текстов. По крайней мере, мировые лидеры должны знать, что случилось с нашими предками, чтобы у них была возможность избежать подобной катастрофы в будущем. Меня особенно беспокоит антропогенное изменение клима-

та – ловушка, в которую особенно легко могут угодить развивающиеся цивилизации. Полагаю, что частично этот процесс уже запущен, но надеюсь, что наши народы смогут избежать того, чего не смогли избежать наши предки.

На следующей странице я прикрепил перевод, хоть и неполный, одного из отрывков. Он четко иллюстрирует, в какой опасности находимся все мы.

Новые исследования <БЕЗ ПЕРЕВОДА> засухи, продолжающейся на Ближнем Востоке (?) является самой сильной в <БЕЗ ПЕРЕВОДА> за последние 900 лет <БЕЗ ПЕРЕВОДА> Усугубляется глобальным потеплением <БЕЗ ПЕРЕВОДА> Количество осадков сократилось на 40 % <БЕЗ ПЕРЕВОДА> Глубокие колодцы истощают водоносные горизонты <БЕЗ ПЕРЕВОДА> неурожай <БЕЗ ПЕРЕВОДА> миллионы людей бегут в и без того перенаселенные города <БЕЗ ПЕРЕВОДА> политическая нестабильность <БЕЗ ПЕРЕВОДА> гражданская война <БЕЗ ПЕРЕВОДА> кризис, вызванный наплывом беженцев, по всему региону <БЕЗ ПЕРЕВОДА> в приграничные страны <БЕЗ ПЕРЕВОДА> политические последствия во всем мире

Это неотъемлемая часть головоломки, которую мы должны разгадать, если хотим понять мир, который существовал до нас, и как мы появились в этом мире.

Я всего лишь человек, хоть и любопытный, но, возможно, я смогу продвинуться хотя бы на шаг вперед в окружающем нас тумане, чтобы другие могли последовать за нами. В тебе есть частичка твоей матери, Кэл, достаточно большая, чтобы восхищаться знаниями о том, как все устроено. Надеюсь, эти копии моих исследований хоть немного тебя заинтересуют. Надеюсь, ты будешь разгонять туман вместе со мной.

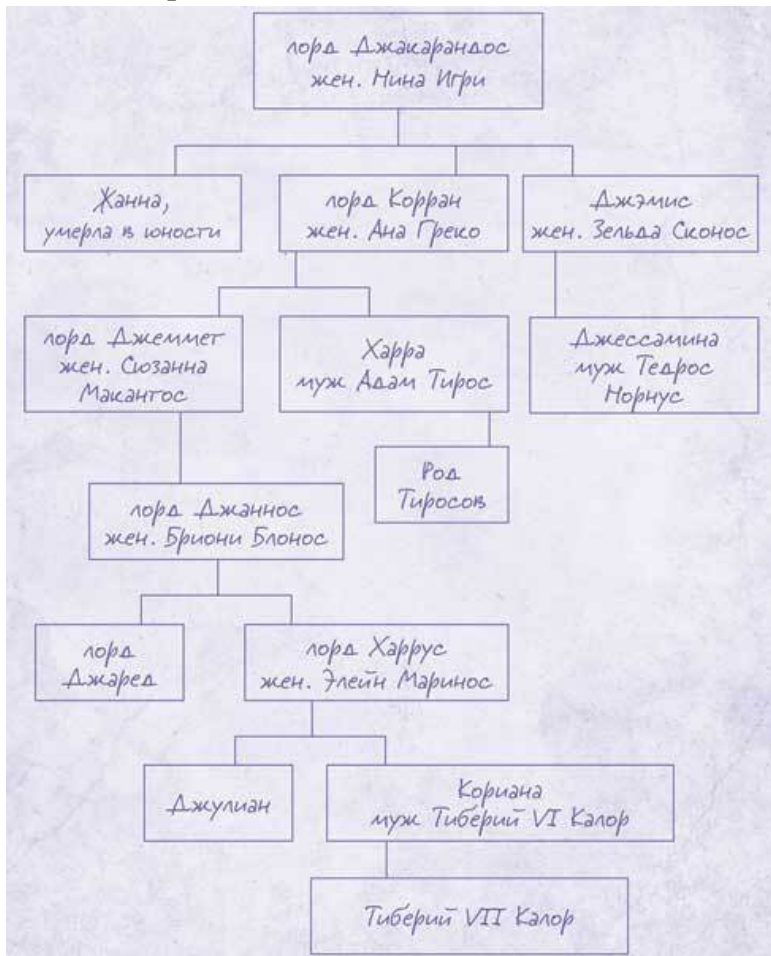
Дядя Джулиан

Я знаю, что ты хорошо знаешь историю своего дома, чему-то я научил тебя сам. Но я подумал, что ты захочешь сохранить эти заметки у себя, вместо того, чтобы полагаться на библиотеки Норты, а также на собственную небезупречную память. Да, я сказал “небезупречную”. Прости, что сведения о моем собственном Доме и семье твоей матери не столь обширны, но, к сожалению, в юности я не интересовался своим наследием. И моя родословная по какой-то причине не так хорошо задокументирована, как семейное древо королей. Это так странно.

Дядя Джулиан

Семейное древо Дома Джейкос

Монархи Дома Калор

Цезарь I

1 января 0 г. — 3 октября 37 г. н. э.

Александр Цезарь Калор был настолько предан своей новой династии и нации и так заботился о своей репутации, что прождал целых два месяца после завоевания Норты и короновался ровно в полночь на рубеже года. Начало своего правления он провозгласил началом новой эры. Следовательно, календарь Норты начинается свое летоисчисление с того самого момента, когда корона коснулась головы Калора. Хотя прежде всего король Цезарь был воином, при этом он был искусным дипломатом. Он выдал свою дочь Джулиану замуж за правящего принца Пьемонта, укрепив давний союз для защиты южной границы Норты. Король Цезарь также создал обряд Выбора королевы. За исключением чрезвычайных обстоятельств или при вступлении в брак за пределами королевства, любой наследник престола Калора должен был жениться на том претенденте или претендентке, который сумел показать себя самым сильным на фоне остальных. Король Цезарь также основал новую столицу в Археоне, построив дворец Белого Огня и резиденцию правительства Норта. Король погиб в результате «несчастливого случая» на дуэли после ранения в сердце. Затупленный тренировоч-

ный меч его противника был подменен заточенным клинком. Легенда гласит, что последним словом, которое произнес король Цезарь, было «Фириас», имя его младшего сына, погибшего в стычке на границе Спорной территории. После расследования его партнер по дуэли был казнен, но историки постулируют, что убийство отца организовал сын самого Цезаря.

Цезарион

3 октября 37 г. – 20 июля 44 г.

Цезариону оказалось непросто следовать по стопам своего великого отца. Король плохо разбирался в военном искусстве и хуже отца разбирался в военных делах. Больше его интересовали условия, в которых жили монархи. Он начал строительство летнего дворца, Зала Солнца, но погиб до его завершения, в море, когда его прогулочная яхта затонула недалеко от островов Барн. Свидетели говорят, что король утонул из-за веса своих драгоценностей и короны, однако есть сообщения о том, что он стал жертвой акул. Возможно, потопление его корабля было организовано теми, кто был верен его отцу, убитому королю.

Юлий I

20 июля 44 г. – 1 августа 60 г.

Юлий был полной противоположностью своего отца. Он был воином до мозга костей, а иногда – и сверх того. Он ре-

гулярно сражался с лордами на севере в Королевстве Озёрного края. Его первенец и наследник, Юлий, погиб в одной из таких стычек в возрасте семнадцати лет. Его смерть повергла отца в глубокий траур, и он тихо умер, отказавшись от услуг целителя кожи.

Тиберий Великий

1 августа 60 г. – 10 ноября 105 г.

Правнук Цезаря Калора считается его истинным преемником и остается самым долгоправящим монархом династии Калор. За время своего сорокапятилетнего правления Тиберий Первый укрепил отношения с Озёрными землями на севере и расширил границы Норты, присоединив к территориям страны все земли Разломов. Их отдельные регионы все еще сопротивлялись правлению Калора, и Тиберий лично повел армию в холмы Разломов. Остальные мятежники-Самосы покорились Тиберию. Вопреки настояниям своего совета, он не стал уничтожать династию Самос, вместо этого помиловав их в обмен на их лояльность и земли. Управление Разломами было передано Дому Ларис, хотя Дом Самос оставался одной из самых влиятельных семей в королевстве. Король Тиберий также ввел в употребление концепцию городов Красных техов, основав несколько таких поселений по всей территории Норты. Спустя много лет брака из-за отсутствия наследников Тиберий Первый развелся со своей женой-нортанкой и женился на принцессе Озёрного края, ко-

торая родила ему троих детей. Мирно умер во сне.

Тиберий II

1 августа 105 г. – 30 мая 107 г.

Тиберий Второй сменил своего отца в зрелом возрасте и правил менее двух лет. Он внезапно умер от болезни, которая описывается короткой фразой: «плохие нервы». Даже за такой короткий промежуток времени стало ясно, что он никудышный правитель и, скорее всего, его совету и лордам было бы легко манипулировать им, не умри он настолько скоропостижно.

Цезарь II

30 мая 107 г. – 9 декабря 118 г.

Поскольку король Цезарь еще не достиг совершеннолетия, когда взошел на престол, его бабушка, принцесса Озёрного края Иранна, и его мать, Ирина Калор, правили как его регенты. Его дядя, принц Фирион Калор, возражал против иностранного правителя и утверждал, что сам он больше подходит на эту роль. Фирион и его жена при поддержке ее семьи Титанос вели гражданскую войну против Цезаря Второго. В конце концов их восстание было подавлено силами королеввы-регента и принцессы Цезары. Цезара, дочь Тиберия Великого, вышла замуж за представителя Дома Самос, и их поддержка сыграла решающую роль в удержании Цезаря Второго у власти. Принц Фирион был казнен за попыт-

ку узурпировать трон, а его малолетний сын, принц Крест Калор, был изгнан из Норты. Он стал основателем младшей ветви династии Калор, которая, если бы она все еще существовала, была бы единственной оставшейся ветвью дерева Дома Калор.

Сам Цезарь Второй был болезненным мальчиком. Он находился под постоянным наблюдением стражников Сконосов и регулярно нуждался в лечении целителей крови. В возрасте двадцати пяти лет он скончался, и говорили, что он «сгнил». У него не было детей, а его болезнь, по слухам, была вызвана тем, что его родители, Тиберий Второй и королева Ирина, были двоюродными братом и сестрой.

Юлий II

9 декабря 118 г. – 22 марта 140 г.

Поскольку у Цезаря Второго не было детей, корона перешла к его младшему брату. Юлий Второй женился на Серене Сконос, одной из постоянных стражей его брата, и не демонстрировал признаков генетических болезней, от которых страдал его предшественник. По этой причине некоторые историки полагают, что его отцом был не Тиберий Второй и что у его матери, королевы Ирины, был роман с кем-то из придворных Норты. Юлия Второго по большей части не беспокоили подобные перешептывания, поскольку его мать по рождению принадлежала семье Калор, и он все еще был прямым потомком Цезаря Первого. А самое главное, пото-

му, что Юлий Второй был поджигателем, как и все короли Калоры до него. Если его мать и была неверна своему мужу, крайне маловероятно, что он унаследовал ее способности, а не способности своего настоящего отца. В остальном его правление было спокойным, так как королевства Норта, Пьемонт и Озёрный край пребывали в мире. Во время своего тридцатидвухлетнего пребывания на троне Юлий Второй предпринял кампанию по строительству арен, распространив практику Первой пятницы по всему королевству. Он выдал двух своих дочерей замуж за принцев Пьемонта, укрепив связи между двумя королевствами.

Юлий III

22 марта 140 г. – 28 декабря 151 г.

Несмотря на настояния своего отца, Юлий Третий пренебрег обрядом Выбора королевы, чтобы жениться по любви, и сочетался браком с Еленой из дома Мерандус. Историки в открытую задаются вопросом, не повлияли ли на молодого принца ее способности, а не чувства. После коронации Юлия Третьего его сын и наследник отправился в путешествие по Норте. Во время посещения границы в Девичьих водопадах на конвой напали Красные бандиты, и принц Юлий был убит. В отместку Юлий Третий постановил, что Красные города вокруг границы будут снесены и расчищены, чтобы освободить место для города-крепости. Он приказал Красным построить Корвиум, а затем призвал большин-

ство из них в армию Норты. Остальные были депортированы в разбросанные по всему королевству города техов, чтобы поддержать рабочее население. Никто из Калоров больше не давал своим детям имя Юлий, так как считалось, что это имя приносит несчастья.

Марк

28 декабря 151 г. – 12 декабря 159 г.

Как и его отец, король Марк отказался от обряда Выбора королевы, пусть и ради упрочнения союза с Пьемонтом. Он женился на Елизавете, принцессе Приливных вод. Хотя он правил всего восемь лет, его правление считалось в Норте продуктивным, главным образом благодаря его матери Мерандус и жене. Король был в значительной степени неэффективен и неразумен и делегировал свои обязанности двум королевам, которые провели кампанию по улучшению инфраструктуры и экономики Норты. Королева Елизавета, будучи родом из Пьемонта, впервые ввела в использование Гринвей, дорожную систему, соединяющую Норту и ее родную страну. Вдовствующая королева Елена обратила свое внимание на расширение энергосистемы Норты от границы до границы, доведя ее даже до отдаленных общин Красных. Когда король Марк умер вследствие алкогольного опьянения, королевы продолжили свою работу вместе с его наследником и единственным ребенком, Эрионом.

Эрион

12 декабря 159 г. – 2 февраля 188 г.

Король Эрион разделял страсть своей матери к архитектуре, и вместе они построили ставший культовым мост Архенон. В этот период шпионы Норты, возглавляемые представителями Дома Мерандус и Дома Айрел, помогали военачальникам Прерий в их пограничной войне с Озёрным краем. Пользуясь материальной помощью, которую они получали из казны Норты и от самого короля, армии Прерий завоевали ценные сельскохозяйственные угодья в регионе Миннован и отодвинули границу Озёрного края обратно за Великую реку. Король Эрион использовал эту тактику, чтобы ослабить ближайшего соседа Норты, зная, что в будущем между их двумя королевствами неизбежно разгорится конфликт. Под влиянием своей матери и бабушки король Эриан постановил, что его линия наследования будет зависеть от способностей, а не от пола. Поэтому наследницей престола стала его перворожденная дочь, Андурра, за которой следовал ее младший брат.

Андурра

2 февраля 188 г. – 27 сентября 199 г.

Будучи первой правящей королевой Норты, Андурра столкнулась со значительной оппозицией со стороны знати и ее правительства. Она выбрала себе супруга, устроив первый в истории обряд Выбора принца, и вышла замуж за сы-

на Дома Блонос, который стал ее принцем-консортом. Королева Андурра была знаменитым воином и дипломатом и смогла скрыть участие Норты в войнах Прерий с Озёрным краем. Она поддерживала шаткий мир с севером, при этом тайно наращивая армии своей страны, расширила воинскую повинность Красных, распространив обязательный призыв также и на женщин, а также дала возможность вступить в армию всем Серебряным женщинам, желающим пойти на военную службу. Единственный ребенок Андурры не унаследовал ее способностей к магии, и, чтобы сохранить мир в королевстве, она поддержала указ своего отца о престолонаследии. Ее брат оставался ее наследником до самой своей смерти во время восстания Красных в Причальной гавани. Подобные восстания набирали силу в Норте, Озёрном крае и Пьемонте, где Серебряные лорды из всех сил пытались сохранить контроль над превышающими их по количеству Красными. Сын Андурры, Амброзин, покинул Норту после смерти матери и отправился искать счастья на западе. Он высококвалифицированный целитель крови, почти бессмертный благодаря своим способностям. Он все еще жив и является одним из трех правителей Тиракса. Ему более ста лет.

Тиберий III

27 сентября 199 г. – 30 марта 222 г.

Будучи первенцем брата королевы Андурры, Тиберий стал наследником престола после смерти своего отца. Он занял

престол в смутные времена восстаний Красных и ухудшения отношений с Озёрным краем. Одним из его первых действий в качестве короля был созыв саммита с монархами Озёрного края. Но переговоры быстро потерпели неудачу, и между двумя государствами началась война. Она продлится более века и унесет миллионы жизней как Красных, так и Серебряных. Были предположения, что она разразилась как из чувства гнева, так и по необходимости – так как необходимо было сократить численность населения Красных как в Норте, так и в Озёрном крае.

Леонора

30 марта 222 г. – 3 января 237 г.

Как и ее бабушка, Леонора была первенцем монарха Дома Калор. Поэтому она села на трон раньше своего младшего брата. Она отказалась проводить обряд Выбора принца и так и не вышла замуж, но Марианна Нолле была ее консортом до самой смерти и получила звание принцессы. Леонора была первым правящим монархом Калором, который во время своего правления выехал за пределы Норты: она отправилась в путешествие по Пьемонту, чтобы навестить кузенов и различных высокопоставленных лиц. Она также много раз посещала Корвиум и осматривала Чок, быстро расширяющуюся пустошь, служащую линией фронта окопами Озёрного края и Норты. По указу Леоноры ее племянники и племянницы получили также военное воспитание на линии фронта.

Тиберий Четвертый

3 января 237 г. – 2 сентября 270 г.

Продолжая военную традицию, заложенную его предками, прежде чем стать королем, Тиберий Четвертый был генералом в армиях Норты. Унаследовав трон своей старшей сестры, он на протяжении более чем тридцати лет руководил военными действиями, а к концу своего правления начал еще одну кампанию против Озёрного края, отличавшуюся более высоким уровнем скрытности. Он использовал обширную шпионскую сеть, возглавляемую Домом Айрел, для проникновения в крепости Озёрного края, отслеживания перемещения войск, саботажа цепочки поставок и ликвидации ключевых фигур в их правительстве и вооруженных силах. В отместку за одну из подобных операций был убит второй сын короля, Эйрик. Во время смотра войск на границе с Озёрным краем он попал в засаду и был убит Озёрными, передетыми в Красных. После смерти сына Тиберий Четвертый большую часть времени проводил на фронте, а его преемник оставался в столице, руководил государством вместо него и на практике обучался государственному управлению.

Тиберий Пятый

2 сентября 270 г. – 1 августа 296 г.

После проведения обряда Выбора королевы Тиберий женился на Анабель из Дома Леролан традиционных правите-

лей Дельфи. У Тиберия Пятого также был супруг-мужчина, Роберт Айрел, которого он короновал как принца. Королева Анабель и принц Роберт были великими покровителями искусств во время правления своего короля. Хотя Тиберий Пятый был не так склонен к военной службе, как его отец, он частично воспитал своего сына на фронте, чтобы он был готов возглавить нацию в военное время. Несмотря на конфликт с Озёрным краем, во время его правления жители Норты жили в мире и процветании. Тиберий Пятый умер от изнурительной раковой болезни, несмотря на все усилия его личных целителей кожи.

Тиберий Шестой

1 августа 296 г. – настоящее время

Прежде чем взойти на престол, Тиберий Шестой отказался проводить обряд Выбора королевы и, к огромному удивлению двора, женился на Кориане Джейкос, даме из относительно низкого и бедного Серебряного Дома.

КЭЛ

ПОЛНОЕ ИМЯ: Тиберий Калор VII
ТИТУЛ: При рождении: Тиберий, принц Дома Калор,
наследник Пылающей Короны

После вступления на престол: Тиберий VII, король Норты, Пламя Севера

РОДИТЕЛИ: король Тиберий VI и королева Кориана из Дома Джейкос

ДАТА РОЖДЕНИЯ: 31 октября 300 г. н. э.

СПОСОБНОСТЬ: поджигатель | **РОСТ:** 6 футов 3 дюйма | **ВЕС:** 210 фунтов

ЦВЕТ ВОЛОС: черный | **ЦВЕТ ГЛАЗ:** бронзовый

ИНТЕРЕСЫ: архивные записи, культурное наследие, литература, исторические фильмы и музыка, старая механика

НЕПРИЯЗНЬ: вода

ЛЮБИМОЕ ОРУЖИЕ: способности, легкое огнестрельное оружие

ХОББИ: езда на велосипеде, спорт, чтение, стратегия, мелкий и капитальный ремонт механизмов, полеты

СПЕЦИАЛЬНЫЕ НАВЫКИ: сила и выносливость, пилотирование реактивного самолета, рукопашный бой, владение мечом, меткая стрельба

ЛЮБИМАЯ ЕДА: ванильный торт и мороженое

ЛЮБИМЫЙ ЦВЕТ: черный

ЛЮБИМАЯ ПЕСНЯ: восстановленная запись из исторических архивов, «Come On Eilean» (исп. Dexy's Midnight Runners)

ЛЮБИМЫЙ ГОРОД: Причальный гавань, регион Маяк, Норта

ПРОЧАЯ ИНФОРМАЦИЯ: Несмотря на то, что Кэл очень рано лишился матери, он унаследовал ее талант и склонность к ремонту, починке и изобретательству. Прозвище «Кэл» ему дали, чтобы не называть семейным именем и отличать от отца, которого звали Тибом. При рождении Кэла было решено, что девушка, которая станет его женой, будет определена на Выборе королевы, поскольку его родители женились в обход этого обряда. Кэл ужасно любит сладкое, но очень редко позволяет себе есть десерты или сахар. Получил образование на фронте и был воспитан как солдат, ввиду чего обладает хорошо развитым чувством дисциплины и силой воли. Наиболее комфортно Кэлу в армии, и он предпочитает казармы жизни во дворце. Близок со своим дядей Джулианом, братом своей матери, несмотря на то, что в королевском дворе Норты тот считается изгоем.

МЭЙВЕН

ПОЛНОЕ ИМЯ: Мэйвен Калор
ТИТУЛ: При рождении: Мэйвен, принц Дома Калор

После вступления на престол: Мэйвен, король Норты, Пламя Севера

РОДИТЕЛИ: король Тиберий VI и королева Элара из Дома Мерандус

ДАТА РОЖДЕНИЯ: 13 декабря 302 г. н. э.

СПОСОБНОСТЬ: поджигатель | **РОСТ:** 5 футов 10 дюймов | **ВЕС:** 160 фунтов

ЦВЕТ ВОЛОС: черный | **ЦВЕТ ГЛАЗ:** синий

ИНТЕРЕСЫ: сон, эскапистская литература, искусство, театр, путешествия, музыка

НЕПРИЯЗНЬ: к алкоголю, тишине, воде

ЛЮБИМОЕ ОРУЖИЕ: способности, ручка, канцелярский нож

ХОББИ: чтение, организация заговоров

СПЕЦИАЛЬНЫЕ НАВЫКИ: дебаты, танцы, выносливость, пение

ЛЮБИМАЯ ЕДА: сэндвич с сыром, поджаренный на гриле, и томатный суп

ЛЮБИМЫЙ ЦВЕТ: фиолетовый

ЛЮБИМАЯ ПЕСНЯ: восстановленная запись из исторических архивов, «My Body Is a Cage» (исп. Peter Gabriel)

ЛЮБИМЫЙ ГОРОД: Корвинум, Норта

ПРОЧАЯ ИНФОРМАЦИЯ: Будучи вторым наследником престола, Мэйвен воспитывался в основном матерью, Эларой. Хотя он и получал образование на фронте, в основном его обучали владеть от поля боя, в больших городах Норты. У Мэйвена была возможность провести Выбор королевы, если бы в этом возникла необходимость. Хотя Мэйвен был напрямую связан с Домом Мерандус, с родственниками матери контактировал мало, в основном из-за того, что Элара хотела сохранить контроль над сыном. Как его брат и многие благородные Серебряные, Мэйвен наслаждался музыкой и искусством из исторических архивов, когда они стали доступны. Также часто смотрел спектакли в театре «Гексаприн» в Норте. Несмотря на манипуляции матери, Мэйвен был чрезвычайно ей предан, о чем свидетельствовала его любимая еда. Это были

Песнь королевы

Джулиан по своему обыкновению подарил ей книгу.

Как и в прошлом году, и в позапрошлом, и на каждый праздник или событие, которое выпадало между днями рождения его сестры. Целые полки в ее покоях были набиты его так называемыми подарками. Некоторые книги он дарил от чистого сердца, некоторые – просто для того, чтобы освободить место в библиотеке, которую называл своей спальней. Вся она была заставлена высокими стопками – такими неустойчивыми, что даже кошкам было трудно ориентироваться в этих лабиринтах. Книги были на самые разные темы: от приключенческих рассказов о рейдерах из Прерий до поэтических сборников о безвкусном королевском дворе, которого оба они старались избегать. «Эту лучше пустить на растопку камина», – говорила Кориана каждый раз, когда он дарил ей очередную скучную книгу. Однажды, на ее двенадцатый день рождения, Джулиан подарил ей древний том, написанный на языке, которого она не знала. И она предположила, что он только притворялся, что понимает, что там написано.

Но, хотя большая часть его подарков ей не нравилась, на полках с постоянно растущей коллекцией томов не было ни пылинки, а сами книги стояли корешками вперед, чтобы было видно названия на кожаных переплетах. Большая часть

из них осталась бы нетронутой, нераспечатанной, непрочитанной – трагедия, оплакать которую не хватило бы красноречия даже у Джулиана. Нет ничего ужаснее нерассказанной истории. Но Кориана все равно следила, чтобы они были в чистоте и безупречном состоянии. Сделанные золотым тиснением буквы поблескивали в лучах летнего или зимнего солнца. Почти на каждой книге было нацарапано «От Джулиана», и эти слова для нее были дороже всего на свете – почти всего. Больше она любила только те подарки, что он дарил от чистого сердца: руководства и упакованные в прозрачную упаковку учебники, спрятанные между страницами генеалогические древа или страницы из энциклопедий. Некоторые книги она любила особенно сильно. Их она прятала под матрасом и жадно читала по ночам, разглядывая технические схемы и изучая машиностроение. В них описывалось, как строить, ломать и чинить двигатели, самолеты, телеграфное оборудование, и даже лампочки и кухонные плиты.

Ее отец бы это не одобрил – впрочем, как и всегда. Пальцы Серебряной леди, дочери благородного Высокого дома не должны быть испачканы в моторном масле, ее ногти не должны быть обломаны из-за работы с «одолженными» инструментами, а глаза не должны быть красными после ночей, проведенных за чтением «неподходящей» литературы. Но Харрус Джейкос забывал о своих сомнениях каждый раз, когда изображение на экране в гостиной начинало рябить,

а от самого экрана начинали сыпаться искры. «Кори, почи- ни», – говорил он. И она делала как он приказывал, каж- дый раз надеясь, что в этот раз сможет его убедить. Но через несколько дней он снова высмеивал и ее, и ее мастерство, забыв о ее работе.

Хорошо, что он уехал. Он был в столице, помогал их дяде, главе дома Джейкос. Так она могла провести день рождения с теми, кого любила, а именно – с братом Джулианом и Сарой Сконос, которые специально приехали на праздник.

«Она хорошеет с каждым днем», – подумала Кориана, гля- дя на свою любимую подругу.

Они не виделись уже несколько месяцев – Саре исполни- лось пятнадцать лет, и она навсегда переехала жить ко дво- ру. На самом деле времени прошло не так много, но девушка уже казалась другой. Ее черты стали какими-то более резки- ми, скулы – острыми и четкими, кожа почему-то была блед- нее, чем раньше, словно иссушенная, а ее серые глаза, ко- гда-то сиявшие как звезды, казались темными, полными те- ней. Но ее лицо озарилось улыбкой так же быстро, как это бывало всегда, когда она проводила время с юными отпрыс- ками Дома Джейкос. По правде говоря, Кориана знала, что так бывает всегда, когда она рядом с Джулианом. И ее брат вел себя точно так же. Он широко улыбался и старался со- блюдать дистанцию, которую не подумал бы держать неза- интересованный мальчик. Все его движения были тщатель- но отточены, а Кориана прекрасно знала своего брата. Ему

семнадцать, и в этом возрасте он уже может делать предложение. Кориана ожидала, что в ближайшие месяцы он воспользуется этой привилегией.

Джулиан даже не потрудился завернуть свой подарок – он был прекрасен и сам по себе. Красивый кожаный переплет в цветах Дома Джейкос – бледно-желтую и золотую полоску – с тисненой на обложке Плавающей Коронай Норты. На лицевой стороне или корешке не было названия, и Кориана видела, что книга – незамаскированный учебник. Она слегка нахмурилась.

– Открой ее, Кори, – сказал Джулиан, останавливая ее, прежде чем она успела бросить книгу в скудную кучу других подарков. Все они были завуалированными оскорблениями: перчатки, которые ей подарили, чтобы скрыть ее руки «простолюдинки», непрактичные платья, чтобы она носила их при дворе, который отказывалась посещать, и уже открытая коробка конфет – ее отец не хотел, чтобы она их ела. К ужину их уже не будет.

Кориана сделала, как было велено и, открыв книгу, обнаружила, что в ней ничего нет. Ее кремовые страницы были чисты. Она сморщила нос, даже не потрудившись изобразить благодарность. Джулиан не нуждался в такой лжи и в любом случае бы все понял. Более того, здесь не было никого, кто мог бы отругать ее за такое поведение.

«Мама мертва, отец уехал, а кухня Джессамина, к счастью, все еще спит».

За столом в садовой гостиной сидели только Джулиан, Кориана и Сара, три бусины, позвякивающие в пыльной банке поместья Джейкосов. Это была ужасающих размеров комната, соответствующая вездесущей, пустой боли, ноющей в груди Корианы. Арочные окна выходили на густую рощу некогда ухоженных роз, которые уже десять лет не видели рук зеленого. Пол не мешало бы хорошенько подмести, а золотые драпировки потускнели от пыли и, скорее всего, паутины. Даже на картине над запятнанным сажей мраморным камином не было позолоченной рамы – ее давно продали. Человеком, который смотрел с обнаженного холста, был дед Корианы и Джулиана, Янус Джейкос, который, несомненно, пришел бы в отчаяние от состояния своей семьи. Бедные дворяне, что делают ставки на старое имя и традиции и с каждым годом довольствуются все меньшим.

Джулиан засмеялся, стараясь, чтобы его смех звучал как обычно.

«Сердится, но все равно любит», – знала Кориана.

Так лучше всего можно было описать его отношение к младшей сестре. Она на два года младше него – и он всегда быстро напоминал ей о своем старшинстве и интеллекте. Мягко, конечно. Как будто это имело какое-то значение.

– Это чтобы ты писала, – продолжил он, скользя длинными тонкими пальцами по страницам. – Записывала свои мысли и как проходят твои дни.

– Я знаю, что такое дневник, – ответила она, захлопывая

книгу.

Он не стал возражать и даже не подумал обижаться. Джулиан знал ее лучше, чем кто-либо другой.

«Даже когда я неправильно подбираю слова».

– И в моей жизни нет ничего, достойного упоминания.

– Чепуха, ты довольно интересный человек – когда этого хочешь.

Кориана усмехнулась.

– Джулиан, твои шутки становятся все лучше. Ты наконец-то нашел книгу, в которой написано, как улучшить чувство юмора? – Ее взгляд метнулся к Саре. – Или нашел кого-то?

Джулиан зарделся, его щеки посинели от прилива серебряной крови. Сара же отреагировала очень спокойно.

– Я целитель, а не чудотворец, – зазвенели колокольчики ее голоса.

На мгновение в комнате пустого поместья прозвучало эхо их дружного смеха. Старые часы в углу пробили час гибели Корианы – а именно время прихода кухни Джессамин, которая могла появиться здесь в любой момент.

Джулиан быстро встал. Он уже довольно высокий, и скоро он станет взрослым мужчиной – хотя ему все еще предстояло расти как ввысь, так и вширь. Кориана, с другой стороны, не менялась в течение многих лет и не проявляла никаких признаков изменения. Она была совершенно обычной – от почти бесцветных голубых глаз до каштановых волос, которые

упрямо отказывались опускаться хоть немного ниже плеч.

– Ты ведь не будешь вот эти, да? – спросил он, протягивая руку. Перегнувшись через нее, он выхватил из коробки несколько леденцов в сахарной глазури, заработав в ответ шлепок.

«К черту этикет. Они мои».

– Осторожно, – предупредил он, – я скажу Джессамин.

– В этом нет нужды, – раздался пронзительный свистящий голос их пожилой кузины, эхом отразившийся от входа в гостиную с колоннами. С раздраженным шипением Кориана закрыла глаза, пытаясь избавиться от Джессамин Джейкос.

«Конечно, это бесполезно. Я же не шепот. Всего лишь певичек».

И хотя она могла бы попытаться использовать свои скудные способности на Джессамин, добром бы это не кончилось. Как бы она ни была стара, ее голос и способности все еще оставались острыми, как хлыст, и были намного быстрее, чем у самой Корианы.

«Если я попробую зачаровать ее, все кончится тем, что я буду с улыбкой драить полы».

Кориана надела на лицо вежливую маску и, повернувшись, увидела, что ее кузина опирается на украшенную драгоценными камнями трость, одну из последних красивых вещей в их доме. Конечно, она же была одной из самых мерзких. Джессамин давно перестала посещать Серебряных целителей кожи, чтобы, как она выражалась, «стареть с изяще-

ством». Хотя, по правде говоря, семья больше не могла позволить себе такие процедуры у самых талантливых представителей Дома Сконос или даже у учеников целителей кожи обычного, не высокого происхождения. Ее кожа теперь обвисла, посерела и побледнела, а на ее морщинистых руках и шее появились пигментные пятна. Сегодня она обернула голову лимонной шелковой накидкой, чтобы скрыть редющие седые волосы, едва покрывающие кожу головы, и струящееся платье в тон. Изъеденные молью края платья были хорошо спрятаны. Джессамин преуспела в иллюзиях.

– Будь добр, Джулиан, отнеси это на кухню? – сказала она, тыча пальцем с длинным ногтем в конфеты. – Слуги будут так благодарны.

Кориане потребовались все силы, чтобы не усмехнуться. «Слуги» были всего лишь Красным беззубым дворецким, еще более древним, чем сама Джессамин, поваром и двумя молоденькими горничными, которые каким-то образом должны были держать в порядке все поместье. Может быть, им бы и достались конфеты, но Джессамин, разумеется, этого не допустит.

«Они окажутся на дне мусорного ведра или, что более вероятно, будут спрятаны в ее собственной комнате».

Судя по скривившемуся лицу Джулиана, он думал то же самое. Но спорить с Джессамин было так же бесполезно, как с деревьями в запущенном старом саду.

– Конечно, кузина, – сказал он тоном, более уместным на

похоронах. Он бросил на Кориану извиняющийся взгляд. В глазах его сестры сквозила обида. С едва скрываемой усмешкой она наблюдала, как Джулиан протягивает одну руку Саре, а другой подхватывает ее неподобающий подарок. Оба стремились поскорее покинуть владения Джессамин, но не хотели бросать Кориану. Но все же они поспешно вышли из комнаты.

«Да, бросайте меня здесь. Как и всегда».

Ее бросали на милость Джессамин, которая взяла на себя смелость сделать из Корианы достойную дочь Дома Джейкосов. Проще говоря, *молчаливую* дочь.

Ее всегда оставляли с отцом, когда он возвращался со двора после долгих дней ожидания смерти дяди Джареда. У главы Дома Джейкос, губернатора региона Адеронак, не было собственных детей, поэтому его титулы перейдут его брату, а после него – к Джулиану. Точнее, у него *больше* не было детей. Близнецы, Дженна и Каспиан, были убиты во время войны с Озёрным краем. Их отец остался без наследников и утратил всякое желание жить. Отец Корианы займет престол их предков, это всего лишь вопрос времени, и он не хотел терять его даром. Кориана считала такое поведение в лучшем случае извращенным. Она представить не могла, как поступает так с Джулианом, как бы он ее ни злил. Не могла представить, как смотрит, как он чахнет от горя. Это уродливый, лишенный любви поступок, и от одной мысли об этом у нее скрутило живот.

«Но у меня нет желания руководить нашей семьей, а отец – человек честолюбивый, хоть и лишенный такта».

Что он планировал сделать со своим возможным возвышением, она не знала. Дом Джейкос был немногочисленным, незначительным, его глава занимал должность губернатора какого-то захолустья. У них ничего не было, и только кровь Высокого Дома согревала их по ночам. И, конечно, у них была Джессамин, которая усиленно делала вид, что они еще на плаву.

Она села с грацией, достойной женщины вдвое моложе себя, и постучала тростью по грязному полу.

– Как нелепо, – пробормотала она, ударяя по дымке пылинок, кружащихся в луче солнечного света. – В наши дни так трудно найти хороших помощников.

«Особенно когда ты не можешь им заплатить», – мысленно усмехнулась Кориана.

– Да, кухня. Так трудно, – сказала она.

– Ну, давай сюда. Посмотрим, что прислал Джаред, – сказала она.

Она вытянула руку, сжимая и разжимая пальцы в жесте, от которого у Корианы по коже побежали мурашки. Она прикусила губу и пожевала ее, чтобы не сказать что-то не то. Вместо этого она подняла два платья, которые ей подарил дядя, и положила их на диван, где сидела Джессамин.

Принюхиваясь, Джессамин изучала их, как Джулиан изучал свои древние тексты. Она прищурилась на строчки и

кружева, потирая ткань, дергая за невидимые случайные нити в обоих золотых платьях.

– Сносные, – сказала она после долгой паузы. – Если не устаревшие. Ни одно из них не сшито по последней моде.

– Какой сюрприз, – протянула Кориана. Она просто не смогла удержаться.

Тук.

Трость стукнула об пол.

– Никакого сарказма. Это неподобающее поведение для леди.

«Ну, каждая леди, которую я встречала, кажется, хорошо разбирается в этом, включая вас. Если вас вообще можно называть леди».

По правде говоря, Джессамин не была при Королевском дворе по меньшей мере десять лет. Она понятия не имела, какие платья соответствуют последним веяниям моды, а когда перебирала с джином, не могла вспомнить, какой король сидит на троне.

– Тиберий Шестой? Пятый? Нет, конечно, все еще Четвертый, старое пламя просто не могло погаснуть.

И Кориана мягко напоминала ей, что сейчас правит Тиберий Пятый.

Его сыну, наследному принцу, после смерти отца предстояло стать Тиберием Шестым. Судя по слухам, принц серьезно увлекался военным делом, и Кориана задавалась вопросом, доживет ли он до того момента, как ему достанет-

ся корона. История Норты знала много поджигателей Дома Калор, которые погибли в бою, в основном второстепенных принцев и двоюродных братьев. Про себя Кориана желала принцу смерти, просто чтобы посмотреть, что будет. Насколько она знала, у него не было братьев и сестер, а кузенов Калора было мало, не говоря уже о том, что они были слабы, если верить урокам Джессамин. Норта уже сто лет воевала с жителями Озёрного края, но на горизонте определенно маячила еще одна война. Между Высокими Домами, чтобы престол заняла другая семья. Не то чтобы Дом Джейкос будет как-то в этом замешан. Их незначительность была неизменной, как кухня Джессамин.

– Ну, если верить сообщениям твоего отца, эти платья скоро пригодятся, – продолжила Джессамин, положив подарки. Не обращая внимания ни на время, ни на присутствие Корианы, она достала из-под платья стеклянную бутылку джина и сделала большой глоток. В воздухе завитал аромат можжевельника.

Нахмурившись, Кориана перестала рассматривать новые перчатки, которые сейчас сжимала в руках, и подняла голову.

– Дядя нездоров?

Тук.

– Что за глупый вопрос. Ты же знаешь, он уже много лет нездоров.

Ее лицо залилось серебристым румянцем.

– Я хотела сказать, ему хуже? Хуже?

– Харрус так думает. Джаред удалился в свои покои при дворе и редко посещает светские банкеты, не говоря уже об административных заседаниях или совете губернаторов. Сейчас твой отец все чаще выполняет его обязанности. Не говоря уже о том, что твой дядя, похоже, полон решимости опустошить казну Дома Джейкос. – Еще глоток джина. Кориана чуть не рассмеялась от иронии. – Как эгоистично.

– Да, эгоистично.

«Ты не поздравила меня с днем рождения, кузина».

Но она не стала развивать эту тему. Больно, когда тебя называют неблагодарной, даже когда это делает такая пиявка.

– Вижу, Джулиан подарил тебе еще одну книгу и... о, перчатки. Замечательно, Харрус принял мое предложение. А Сконос, что она тебе подарила?

– Ничего.

«Пока что».

Сара попросила ее подождать, сказав, что ее подарок – не то, что можно сложить вместе с другими.

– Она ничего тебе не подарила? И все же она сидит здесь, ест нашу еду, занимает место...

Кориана изо всех сил старалась пропускать слова Джессамин мимо ушей. Вместо этого она сосредоточилась на руководстве, которое прочитала вчера вечером.

«Батареи. Катоды и аноды; при первичном использовании разряжаются, после чего могут быть заряжены повторно...»

Тук.

– Да, Джессамин?

Старая женщина уставилась на Кориану, и в каждой морщинке ее лица было написано раздражение.

– Я делаю это не для своей выгоды, Кориана.

– И, конечно, не для моей, – не смогла не прошипеть девушка.

Джессамин фыркнула в ответ. Ее смехок был таким резким, что мог бы поднять тучу пыли.

– Тебе бы этого хотелось, а? Можно подумать, я нянчусь с тобой ради забавы и терплю твои хмурые взгляды и ехидные комментарии, потому что мне так хочется? Меньше думай о себе, Кориана. Я делаю это только ради Дома Джейкос, ради всех нас. Мне известно, кто мы такие, лучше, чем тебе. И я помню, кем мы были раньше, когда жили при дворе, заключали договоры, были так же необходимы королям Калор, как их собственное пламя. Я помню. Нет большей боли или наказания, чем память. – Она повертела трость в руке, одним пальцем пересчитывая драгоценные камни, которые полировала каждый вечер. Сапфиры, рубины, изумруды и один бриллиант. Кто их подарил – женихи, друзья или семья – Кориана не знала. Но они были сокровищами Джессамин, и ее глаза сверкали, как драгоценные камни. – Твой отец будет лордом Дома Джейкос, а твой брат будет лордом после него. Поэтому тебе нужен твой собственный господин. Ты ведь не хочешь остаться здесь навсегда?

«Как ты».

Намек был ясен, и каким-то образом Кориана обнаружила, что не может ответить: внезапно у нее застрял ком в горле. Она смогла только покачать головой.

«Нет, Джессамин, я не хочу здесь оставаться. Я не хочу быть тобой».

– Очень хорошо, – сказала Джессамин. Ее трость еще раз стукнула по полу. – Давай начнем день.

Позже тем же вечером Кориана села писать. Ее ручка летала по страницам подарка Джулиана, проливая чернила, как нож проливает кровь. Она писала обо всем. О Джессамин, об отце, о Джулиане. О тошнотворном чувстве, что брат бросит ее, чтобы в одиночку бороться с надвигающимся ураганом. Теперь у него была Сара. Она застала их целующимися перед ужином, и пока она улыбалась, притворяясь, что смеется, притворяясь довольной их румянцем и заикающимися объяснениями, Кориана тихо отчаивалась.

«Сара была моей лучшей подругой. Сара была единственным, что принадлежало мне».

Но теперь это не так.

Как и Джулиан, Сара ускользала, а от Корианы оставалась только пыль забытого Дома и забытой жизни.

Потому что, что бы ни говорила Джессамин, как бы она ни прихорашивалась и ни врала о так называемых перспективах Корианы, поделаться ничего было нельзя.

«На мне никто не женится. Как минимум не женится никто, за кого я бы захотела выйти замуж».

Эта мысль приводила ее в отчаяние, но при этом она смирилась с ней.

«Я никогда не покину это место, – писала она. – Эти золотые стены станут моей могилой».

* * *

Джаред Джейкоса хоронили дважды.

Первые похороны прошли в Археоне, при дворе, в дождливый весенний день. Вторые – спустя неделю, в поместье в Адеронаке. Его похоронили в семейной усыпальнице вместе с остальными предками Дома Джейкос, и он обрел свой последний покой в мраморной гробнице, оплаченной одним из драгоценных камней из трости Джессамин. Изумруд был продан торговцу драгоценными камнями в Восточном Археоне, в присутствии Корианы, Джулиана и их престарелой кузины. Джессамин держалась отстраненно и даже не смотрела, как новоиспеченный лорд Джейкос передает зеленый драгоценный камень Серебряному ювелиру.

«Он не дворянин», – поняла Кориана.

На нем не было цветов Дома, достойных упоминания, но одет он был богаче них, щеголя красивой одеждой и большим количеством украшений.

«Да, мы благородны, но этот человек при желании мог бы

купить нас всех».

Члены семьи по обычаю были одеты в черное. У Корианы не было черного платья, и она стояла в одном из многих ужасных траурных платьев Джессамин – потому что кузина была свидетельницей более чем дюжины похорон членов Дома Джейкос. От платья у Корианы все чесалось, но она спокойно прошла вместе с семьей из торгового квартала и направилась с ними к большому мосту, перекинутому через Столичную реку и соединяющему две части города.

«Если я бы я начала чесаться, Джессамин бы отругала меня или ударила».

Это был не первый визит Корианы в столицу и даже не десятый. Она бывала там много раз – обычно по приказу своего дяди, демонстрируя так называемую силу Дома Джейкос. Как глупо. Они не просто бедны, их семья маленькая, истощенная, особенно после гибели близнецов. Она не идет ни в какое сравнение с разросшимися генеалогическими деревьями домов Айрел, Самос, Рамбос и многих других. Их богатые родословные в состоянии поддержать огромное количество родственников; их позиции Высоких Домов прочно закреплены как среди знати, так и в правительстве. В отличие от Дома Джейкос – если отец Корианы, Харрус, не сможет найти способ доказать свою ценность пэрам и своему королю. Кориана не видела выхода из этой ситуации. Адеронак находился на границе с Озёрным краем, численность населения там была маленькая, а земли заросли густым лесом –

вырубка которого была никому не нужна. Там не было ни шахт, ни мельниц, ни даже плодородных сельскохозяйственных угодий. В их уголке мира не было ничего полезного.

В попытке выглядеть немного более презентабельно (раз не было возможности одеться по моде) Кориана стянула плохо сидящее платье с высоким воротником золотым поясом. Она сказала себе, что ей плевать на перешептывания придворных и насмешки других юных леди, которые смотрели на нее так, словно она была какой-то букашкой или, еще хуже, Красной. Все они – жестокие и глупые девчонки, которые, затаив дыхание, ждут любых новостей о Выборе королевы. Но это, конечно, неправда. Сара ведь тоже одна из них, да? Она – дочь лорда Сконоса, учится на целителя и, похоже, будет целителем очень искусным. Этого достаточно, чтобы служить королевской семье, если она будет держаться этого пути.

«Мне это не нужно, – сказала Сара, изливая душу Кориане за несколько месяцев до этого, во время своего визита. – Потратить жизнь на заживление порезов от бумаги и гусиных лапок будет напрасной тратой времени. Мои навыки принесут намного больше пользы в траншеях Чока или в больницах Корвиума. Ты же знаешь, там каждый день умирают солдаты. Под пулями и бомбами Озёрного края гибнут и Красные, и Серебряные – потому что такие люди, как я, остаются здесь».

Никому другому она бы в этом не призналась, а в особен-

ности – своему отцу. Такие разговоры лучше подходили для полуночи, когда две девушки могли шепотом делиться своими мечтами, не опасаясь последствий.

– Я хочу что-нибудь построить, – сказала Кориана своей лучшей подруге.

– Что строить, Кориана?

– Воздушные двигатели, дирижабли, транспорты, видеоэкраны... печи! Я не знаю, Сара, не знаю. Я просто хочу... что-нибудь создавать.

Сара улыбнулась, ее зубы блеснули в лучах лунного света.

– Ты хочешь наполнить свою жизнь смыслом. Да, Кори?

– Я этого не говорила.

– Тебе и не нужно было.

– Я понимаю, почему Джулиан так тебя любит.

Это сразу успокоило Сару, и вскоре она заснула. Но Кориана лежала, не сомкнув глаз, глядя на тени на стенах, размышляя.

Теперь, на мосту, в хаосе ярких цветов, она делала то же самое. Перед ней проплывали дворяне, горожане, торговцы; их кожа была холодной, шаг медленным, взгляд жестким и затуманенным – вне зависимости от цвета их глаз. По утрам они жадно пили и, напившись, человек все еще глотал воду, другие умирали от жажды. Остальные, конечно, были Красными, с повязками на одежде. Слуги носили форму, некоторые были одеты в одежду в полоску цветов Высокого Дома, которому они служили. Их движения были решительными,

а взгляды устремлены вперед – они торопились выполнить данные им поручения и приказы.

«По крайней мере, у них есть цель, – подумала Кориана. – Не то, что у меня».

Ей вдруг захотелось обхватить руками ближайший фонарный столб, как-то удержаться, чтобы ее не унесло, словно лист на ветру, или чтобы она не упала в воду, как камень. Или и то, и другое. Чтобы не идти, подчиняясь какой-то силе. Силе, контролировать которую она не могла.

Рука Джулиана сомкнулась на ее запястье, и она взяла его за руку.

«Он подойдет, – подумала она, и почувствовала, как напряжение отпускает свою хватку. – Джулиан будет держать меня здесь».

Позже она сделала в своем исписанном, испещренном чернильными пятнами дневнике короткую запись об официальных похоронах. Ошибок в ее письме становилось все меньше, а ее почерк – все лучше. Она ничего не написала о теле дяди Джареда, его коже блее луны, лишенной крови в процессе бальзамирования. Она не записала, как дрожали губы ее отца, выдавая его чувства – ему действительно было больно из-за смерти брата. Не отметила, как ровно на время церемонии кончился дождь, не стала описывать толпы лордов, пришедших выразить свое почтение. Она даже не потрудилась упомянуть о присутствии короля или его сына Тиберия, который стоял, с мрачным видом нахмутив свои

темные брови.

«Дяди больше нет, – вместо этого написала она. – И почему-то в каком-то смысле я ему завидую».

Закончив, она как и всегда спрятала дневник под матрасом в своей спальне вместе с остальными своими сокровищами. Если конкретно – с небольшим набором инструментов, который она забрала из заброшенного сарая садовника и ревностно оберегала. Две отвертки, изящный молоток, один набор плоскогубцев с игольчатым наконечником и гаечный ключ, проржавевший так сильно, что им почти нельзя было пользоваться. Почти. Там также была катушка тонкой проволоки, аккуратно вытянутой из древней лампы в углу, которую никто не стал бы искать. Как и поместье в Аденораке, городской дом Джейкосов в Западном Археоне был обветшалым местом. А когда шли ливни, там к тому же было сыро, и от этого старые стены покрывались конденсатом, как в пещере.

На Кориане все еще было черное платье и золотой пояс, а ресницы были влажные, как она убеждала себя, от дождя, когда в ее комнату ворвалась Джессамин. Разумеется, чтобы навести суету. Без щебетания Джессамин не обходилась организация ни одного банкета, не говоря уж о визитах ко двору. За очень ограниченное время и с очень скудными ресурсами она сделала все возможное, чтобы Кориана выглядела и вела себя как можно более презентабельно, как будто от этого зависела ее жизнь.

«Возможно, так оно и есть. Какой бы жизнью она ни дорожила. Возможно, при дворе нужен еще один инструктор по этикету для детей благородных Серебряных, и она думает, что если она сотворит чудо со мной, это место достанется ей.

Даже Джессамин хочет уйти».

– Так, давай обойдемся без этого, – пробормотала Джессамин, вытирая слезы Корианы салфеткой. Еще один взмах, на этот раз черным карандашом, чтобы подчеркнуть ее глаза. Пурпурно-голубыми румянами коснулась ее щек, чтобы ярче выделить скулы. На губы она не нанесла ничего, потому что Кориана так и не смогла овладеть искусством не пачкать помадой зубы или стакан с водой. – Думаю, так сойдет.

– Да, Джессамин.

Как бы ни радовалась старуха ее покорности, манеры Корианы заставили ее задуматься. Девушка явно загрустила после похорон.

– В чем дело, дитя мое? Это из-за платья?

«Плечать я хотела на эти выцветшие черные шелка, на банкетты или на этот мерзкий двор. Плечать мне на это на все».

– Нет, кузина. Все в порядке. Полагаю, я просто хочу есть.

Кориана попыталась отделаться малой кровью, указав Джессамин на один недостаток, чтобы скрыть другой.

– Господи, ну у тебя и аппетит, – ответила она, закатывая глаза. – Не забывай, ты должна есть изысканно, как птичка. На твоей тарелке всегда должна оставаться еда. По зерныш-

ку, по зернышку...

«По зернышку, по зернышку».

Эти слова неприятным эхом отдались в голове Корианы, но она все равно заставила себя улыбнуться. Улыбка далась ей тяжело, причиняя такую же боль, как слова, дождь и ощущение падения, которое преследовало ее с того момента, как она прошла по мосту.

Джулиан и их отец уже были внизу. Они стояли рядом с камином, у дымящегося пламени. Они были одеты в одинаковые черные костюмы с бледно-золотыми лентами, перекинутыми через плечо. Лорд Джейкос осторожно коснулся своего нового приобретения, булавки, прикрепленной к ленте, – помятый золотой квадрат, такой же старый, как и его Дом. Ничто по сравнению с драгоценными камнями, медальонами и знаками других губернаторов, но на данный момент этого было достаточно.

Джулиан поймал взгляд Корианы и начал было ей подмигивать, но прекратил, едва увидев подавленное выражение ее лица. Он держался рядом с ней всю дорогу до банкета, сжимая ее ладонь, когда они ехали на арендованном транспорте, а потом – ее руку, когда они проходили через большие ворота площади Цезаря. Слева от них раскинулся Дворец Белого Огня, занимая южную сторону выложенной плиткой площади, на которой сейчас толпились дворяне.

Джессамин гудела от возбуждения, несмотря на свой возраст, и старалась улыбаться и кивать каждому, кто проходил

мимо. Она даже махала людям рукой, позволив ниспадающим рукавам своего черно-золотого платья струиться в воздухе.

«Она общается с помощью своей одежды, – поняла Кориана. – Как же это глупо. Так же, как и остальная часть этого танца, который закончится еще большим позором и падением Дома Джейкос. Зачем откладывать неизбежное? Зачем играть в игру, в которую мы не можем достойно играть?»

Этого ей было не понять. Схемы она понимала лучше законов высшего общества – их она отчаялась постичь. Во дворе Норты, даже в ее собственной семье не было никакого смысла. Его не было даже в Джулиане.

– Я знаю, о чем ты просил отца, – пробормотала она, осторожно прижимая подбородок к его плечу. Ткань его куртки заглушала ее голос, но этого было недостаточно, чтобы он мог притвориться, что ее не слышит.

Кориана почувствовала, как он напрягается.

– Кори...

– Должна признаться, я не совсем понимаю. Я думала... – ее голос дрогнул. – Я думала, теперь, когда нам придется переезжать ко двору, ты захочешь быть с Сарой.

«Ты попросил разрешения поехать в Дельфи, чтобы работать с учеными и раскапывать руины, а не учиться быть лордом, оставшись рядом с отцом. Зачем ты это сделал? Зачем, Джулиан? – И самый худший вопрос из всех, тот, который у нее не хватило сил задать: – Как ты мог бросить и меня

тоже?»

Ее брат глубоко вздохнул и крепче сжал ее.

– Я хотел. И хочу. Но...

– Но? Что-то случилось?

– Ничего, совсем ничего. Хорошего или плохого, – добавил он, и она услышала в его голосе намек на улыбку. – Я просто знаю, что она не покинет двор, если я останусь с отцом. Я не могу так с ней поступить. Это место... Я не хочу, чтобы она застряла здесь, в этой змеиной яме.

Кориана почувствовала укол печали за своего брата и его благородное, бескорыстное, глупое сердце.

– То есть ты бы отпустил ее на фронт.

– Тут и речи не может идти об «отпустил». Она должна быть в состоянии принимать решения самостоятельно.

– А если ее отец, лорд Сконос, не согласится?

«Как он, несомненно, и сделает».

– Тогда я женюсь на ней, как и планировал, и возьму ее с собой в Дельфи.

– У тебя всегда есть план.

– Стараюсь.

Несмотря на прилив счастья – ее брат и лучшая подруга *поженились* – Кориана почувствовала знакомую боль.

«Они будут вместе, а ты останешься одна».

Пальцы Джулиана внезапно сжали ее собственные, теплые, несмотря на морозящий дождь.

– И, конечно, я пошлю и за тобой. Ты думаешь, я брошу

тебя в королевском дворе, оставив тебя с отцом и Джессамин? – Затем он поцеловал ее в щеку и подмигнул. – Плохо ты обо мне думаешь, Кори.

Ради него она выдавила широкую белоснежную улыбку, которая сверкнула в свете огней дворца. Она не чувствовала ее блеска.

«Как Джулиан может быть таким умным и таким глупым одновременно?»

Это одновременно озадачивало и огорчало ее. Даже если бы их отец согласился отпустить Джулиана учиться в Дельфи, Кориане никогда не позволили бы сделать то же самое. Она не обладала великим умом или очарованием, не была красавицей или воином. Польза, которую она могла принести, заключалась в браке, в союзе, а в книгах ее брата или его заступничестве ее не было.

Дворец Белого огня был окрашен в цвета Дома Калор – на каждой алебастровой колонне Кориана видела черный, красный и серебряный. В окнах мигал свет, и от парадного входа, охраняемого личными стражами короля, одетыми в огненно-алые плащи и маски, доносились звуки шумной вечеринки. Проходя мимо них, все еще сжимая руку Джулиана, Кориана почувствовала себя не столько леди, сколько пленницей, которую ведут в камеру.

Кориана приложила все усилия, чтобы есть «по зернышку».

Она также всерьез подумывала о том, чтобы положить в карман несколько вилок с золотой инкрустацией. Жаль, что они сидят напротив дворян Дома Мерандус. Они были шепотами, все они; они могли читать мысли и, возможно, знали намерения Корианы так же хорошо, как и она сама. Сара сказала, что она должна почувствовать, заметить, если кто-то из них попытается залезть к ней в голову, и Кориана была взвинчена и держалась скованно, стараясь следить за тем, что происходит у нее в голове. Из-за этого она была молчалива, бледна и сидела, не сводя напряженного взгляда со своей тарелки с растерзанной – и несъеденной – едой.

Джулиан попытался ее отвлечь, как и Джессамин, хотя она сделала это непреднамеренно. Она из кожи вон лезла, осыпая лорда и леди Мерандус комплиментами. Она хвалила все, начиная с их похожих нарядов (лорд был в костюме, а леди в платье – и их наряды мерцали, как сине-черное звездное небо) и заканчивая прибылью, которую приносят их родовые земли (в основном в Хэйвене, включая трущобы техов Веселого города, место, где, судя по тому, что знала Кориана, едва ли было много поводов для веселья). Дети Мерандусов, казалось, были полны решимости игнорировать Дом

Джейкоса, насколько это было возможно, и сосредоточили свое внимание на себе и банкетном столе, за которым ели члены королевской семьи. Кориана тоже не могла удержаться и украдкой поглядывала туда.

Тиберий Пятый, король Норты, естественно, сидел на возвышении в центре, облокотившись на богато украшенное кресло. Его черная парадная форма была отделана малиновым шелком и серебряной тесьмой – тщательно продуманный наряд, в котором все было к месту. Он был очень красивым мужчиной, более чем красивым. Высокий и худой, с глазами цвета жидкого золота и скулами, способными заставить поэтов плакать. Даже его борода, царственно тронутая сединой, была аккуратно подстрижена и безупречно уложена. Если верить Джессамин, леди, соперничающие за право стать его королевой, превратили его Выбор королевы в самую настоящую кровавую баню. И всем, казалось, было все равно, что король никогда не сможет их полюбить. Они хотели только одного: родить ему детей, сохранить его доверие и заработать себе корону. Королева Анабель, истребитель Дома Леролан, сделала именно это. Она сидела слева от короля, с кривой улыбкой глядя на своего единственного сына. Верхние пуговицы ее военной формы были расстегнуты, открывая взору огненную бурю висящих на ее шее драгоценных камней, красных, оранжевых и желтых, как взрывная способность, которой она обладала. У нее на голове была маленькая корона, но не обращать на нее внимания было труд-

но: при каждом движении королевы у нее на голове сверкала россыпь черных драгоценных камней, оправленных в толстую ленту розового золота.

У любовника короля на голове была такая же корона, хоть на ней и отсутствовали драгоценные камни. Он, казалось, не возражал, и сиял ослепительной улыбкой, переплетая свои пальцы с пальцами короля. Принц Роберт из Дома Айрел. В нем не было ни капли королевской крови, но он носил этот титул уже несколько десятилетий – указанием короля. Как и у королевы, у него на шее ярко сверкали драгоценные камни, красные и синие – цветов его Дома. Они еще сильнее бросались в глаза из-за его черной парадной формы, длинных черных волос и безупречной бронзовой кожи. У него был очень мелодичный смех, который выделялся среди множества голосов, эхом разносившихся по банкетному залу. Кориане показалось, что у него добрый взгляд – странная черта для человека, так долго прожившего при дворе. Эта мысль ненадолго ее успокоила – пока она не заметила членов его Дома, сидящих рядом с ним. У каждого из них были резкие и строгие черты, у всех бегали глаза, а губы были растянуты в безумных улыбках. Она попыталась вспомнить их имена, но знала только одного человека – леди Ару, главу дома Айрел. Казалось, все в ней, от макушки до кончиков пальцев, говорило о ее статусе. Словно почувствовав, что на нее смотрят, Ара мгновенно обратила на Кориану взгляд своих темных глаз, и ей пришлось отвести глаза.

Она посмотрела на принца. Когда-нибудь он станет Тиберием Шестым, но сейчас он всего лишь Тиберий. Подросток, ровесник Джулиана, с неровной тенью отцовской бороды на подбородке. Он предпочитал вино, судя по поспешно наполняемому пустому бокалу и серебристому румянцу, расцветшему на его щеках. Она вспомнила, как он вел себя на похоронах ее дяди: послушный сын, стоически стоявший у могилы. Сейчас он легко улыбался, обмениваясь шутками со своей матерью.

Их взгляды на мгновение пересеклись. Тиберий глянул на нее через плечо королевы Анабель и чуть пристальнее посмотрел на юную леди Джейкос в старом платье. Он быстро кивнул, отвечая на ее пристальный взгляд, а потом вернулся к своим ужимкам и своему вину.

– Поверить не могу, что она это позволяет, – сказал кто-то, кто сидел напротив нее.

Кориана повернулась и увидела, что Элара Мерандус тоже смотрит на членов королевской семьи. Ее пронизательные миндалевидные глаза сузились от отвращения. Элара, как и ее родители, тоже была одета в темно-синее. Ее шелковый наряд был усыпан белыми драгоценными камнями, хотя вместо платья на ней была блузка с разрезами и рукавами-накидками. Ее длинные, невероятно прямые пепельные волосы были перекинута на одно плечо, являя взору усыпанное бриллиантами ухо. Она была столь же безукоризненна и во всем остальном: длинные темные ресницы, безупречная

кожа блее фарфора. Вся она была доведенное до совершенства придворное изящество. Кориане и так было не по себе из-за своего внешнего вида, и она ту же затянула завязанный вокруг талии золотой пояс. Больше всего сейчас ей хотелось выйти из зала и вернуться в их городской дом.

– Я с тобой разговариваю, Джейкос.

– Простите мое удивление, – ответила Кориана, изо всех сил стараясь, чтобы ее голос звучал ровно. Элара не была известна своей добротой или чем-то другим тоже. Несмотря на то, что она была дочерью правящего лорда, Кориана поняла, что ей было мало что известно о девушке-шепоте. – О чем вы говорите?

Элара закатила свои ярко-голубые глаза с грацией лебедя.

– О королеве, разумеется. Не представляю, как она может сидеть за одним столом с миньоном своего мужа, не говоря уже о его семье. Такое оскорбление, это же ясно как божий день.

Кориана снова взглянула на принца Роберта. Его присутствие, казалось, успокаивало короля, и если королева и вправду была против того, чтобы он был здесь, она никак этого не демонстрировала. Пока она смотрела, все три коронованные особы шептались друг с другом в нежной беседе. Но наследного принца и его бокала с вином нигде не было видно.

– Я бы этого не допустила, – продолжила Элара, отодвигая свою тарелку. На ней не было ни крошки.

«Ну, по крайней мере, ей хватает смелости есть».

– И там, во главе стола, сидел бы мой Дом, а не его. Это право королевы и больше ничье.

«Значит, она будет участвовать в Выборе королевы».

– Конечно, буду.

Кориану накрыла волна страха.

«Она, что...»

– Да. – На лице Элары появилась злая улыбка.

От этих слов внутри у Корианы что-то оборвалось. Она была настолько шокирована, что чуть не упала со стула. Она даже ничего не почувствовала, никакого признака проникновения, ничего, что говорило бы, что Элара прислушивается к ее мыслям.

– Я... – пробормотала она. – Прошу прощения.

На негнущихся ногах она встала, пошатываясь от того, что ей пришлось отсидеть тринадцать смен блюд. Но, к счастью, все еще по собственной воле.

«У меня в голове пусто. Пусто, пусто, пусто... – думала она, представляя белые стены, белую бумагу и белое ничто. Элара наблюдала за ней, хихикая в ладонь.

– Кори?... – услышала она голос Джулиана. Но он не стал ее останавливать. Джессамин – тоже, потому что не хотела устраивать сцену. А ее отец вообще ничего не заметил; его больше интересовал разговор с лордом Провосом.

«Пусто, пусто, пусто, пусто».

Она шла ровно, шаги были не слишком быстрыми и не

слишком медленными.

«Как далеко нужно уйти?»

«Еще дальше, – насмешливо промурлыкала Элара у нее в голове. Кориана чуть не споткнулась от этого ощущения. Голос эхом отдавался во всем вокруг и в ее теле, от окон до костей, от люстр над головой до стука крови в ушах. – Еще дальше, Джейкос».

«Пусто, пусто, пусто, пусто».

Кориана и не осознавала, что шепчет эти слова себе под нос, словно молитву, пока не вышла из банкетного зала, не прошла по коридору и не толкнула дверь из гравированного стекла. Вокруг нее вырос крошечный дворик, пахнувший дождем и сладкими цветами.

– Пусто, пусто, пусто, пусто, – пробормотала она еще раз, продвигаясь в глубь сада.

Ветви магнолий изогнулись дугой, образуя корону из белых цветов и ярко-зеленых листьев. Дождь уже почти кончился, и Кориана подошла ближе к деревьям, чтобы укрыться от сходящей на нет грозы. Было холоднее, чем она ожидала, но она была этому рада. Голос Элара больше не отдавался эхом в ее голове.

Девушка со вздохом опустилась на каменную скамью под рощей. Скамья оказалась еще холоднее, и она обхватила себя руками.

– С этим я могу помочь, – произнес глубокий голос. Этот человек говорил медленно и размеренно.

Кориана обернулась, широко раскрыв глаза. Она ожидала увидеть Элару, думала, что та пошла вслед за ней. Или Джулиана, или Джессамин, которая стала бы журить ее за то, что она так внезапно ушла. Но человек, стоявший в нескольких футах от нее, явно не был ни одним из них.

– Ваше высочество, – сказала Кориана, вскакивая на ноги, чтобы как следует поклониться.

Рядом с ней стоял наследный принц Тиберий. В темноте его черты казались еще приятнее. В одной руке он сжимал бокал, а в другой – полупустую бутылку. Он позволил ей проделать все необходимые движения. С его стороны было весьма любезно не комментировать ее неуклюжесть.

– Пойдет, – наконец сказал он, жестом показывая ей, что она может подниматься.

Она поспешно сделала, как было приказано, выпрямившись, чтобы посмотреть ему в лицо.

– Да, ваше высочество.

– Вы не возражаете выпить из моего бокала, миледи? – спросил он, уже наполняя его. Никто не станет отказываться от предложения, сделанного принцем Норты. – Конечно, это не пальто, но согреть вас все-таки сможет. Жаль, что на таких мероприятиях нет виски.

Кориана заставила себя кивнуть.

– Да, жаль, – эхом отозвалась она. До этого она никогда не пробовала ликер. Дрожащими руками она взяла полный бокал, на мгновение ее пальцы коснулись его. Его кожа была

теплой, как камень на солнце, и ее поразила необходимость держать его за руку. Вместо этого она сделала большой глоток красного вина.

Он последовал ее примеру и начал пить вино прямо из бутылки.

«Как грубо, – подумала Кориана, глядя, как дергается его кадык, когда он пьет. – Если бы так сделала я, Джессамин бы с меня три шкуры спустила».

Принц не сел рядом с ней, но держался на расстоянии, так что она могла чувствовать только тень его тепла. Достаточно, чтобы понять, что его кровь была горячей даже при такой сырости. Удивительно, как ему удастся носить костюм и не потеть в нем насквозь. Отчасти ей хотелось, чтобы он сел, только чтобы она могла насладиться исходящим от него теплом. Но это было бы неприлично что с ее стороны, что с его.

– Вы племянница Джарреда Джейкоса, да? – Он говорил вежливо, хорошо усвоенными интонациями. Тренер по этикету, вероятно, занимался с ним с самого рождения. И снова он не стал дожидаться ответа на свой вопрос. – Приношу вам свои соболезнования.

– Спасибо. Меня зовут Кориана, – сказала она, понимая, что он не станет спрашивать.

«Он задает только те вопросы, на которые уже знает ответ».

Он склонил голову в знак признательности.

– Да. И я не буду ставить нас обоих в неловкое положение,

представляясь в ответ.

Несмотря на правила приличий, Кориана почувствовала, что улыбается. Она снова отхлебнула вина, не зная, что еще можно сделать. Джессамин не учила ее общаться с членами королевской семьи Калор и, конечно, не давала инструкций по общению с будущим королем. Она смогла вспомнить только, что нужно было говорить, только когда к ней обращались. Поэтому она сжала губы так сильно, что они превратились в тонкую ниточку.

Увидев это, Тиберий открыто рассмеялся. Он был, может быть, немного пьян и откровенно веселился.

– Вы знаете, как это раздражает – когда тебе приходится вести каждый разговор, в котором ты участвуешь? – Он усмехнулся. – Я разговариваю с Робертом и моими родителями больше, чем с кем-либо другим, просто потому, что это проще, чем вытягивать слова из других.

«Не повезло тебе», – пронеслось в голове у Корианы.

– Звучит ужасно, – сказала она так скромно, как только могла. – Возможно, когда вы станете королем, вы сможете внести некоторые изменения в придворный этикет?

– Звучит утомительно, – пробормотал он в ответ, делая большие глотки вина. – Да это и неважно, по сути. Идет война, если вы не заметили.

Он прав. Вино немного ее согрело.

– Война? – спросила она. – Какая война? Где? Я ничего об этом не слышала.

Принц быстро повернулся к ней, но увидел, что Кориана слегка ухмыляется его реакции. Он снова рассмеялся и протянул ей бутылку.

– На секунду вам удалось меня подловить, леди Джейкос.

Все еще ухмыляясь, он подошел к скамейке и сел рядом с ней. Не настолько близко, чтобы прикоснуться, но Кориана все равно застыла, позабыв о своей игривой остроте. Он сделал вид, что ничего не заметил. Она изо всех сил старалась держаться спокойно и уравновешенно.

– Итак, я сижу здесь и пью под дождем, потому что мои родители не одобряют, когда я напиваюсь на глазах у придворных. – Его голос был полон раздражения, и Кориана почувствовала, как от него пошли пульсирующие волны жара. Кориана с наслаждением почувствовала, как пробирающий до костей холод уступает этому теплу. – А у вас какое оправдание? Нет, подождите, дайте я угадаю: вы сидели с Домом Мерандус, да?

Стиснув зубы, Кориана кивнула.

– Тот, кто распределял места, возможно, меня ненавидит.

– Организаторы вечеринок ненавидят только мою мать. Она не из тех, кто любит украшения, цветы или схемы рассадки, и они думают, что она пренебрегает своими королевскими обязанностями. Конечно, это чепуха, – быстро добавил он, сделав еще один глоток. – Она участвует в большом количестве военных советов, чем отец, и тренируется так, что хватит на них обоих.

Кориана вспомнила королеву в мундире, с множеством медалей на груди.

– Она впечатляющая женщина, – сказала она, не зная, что еще можно добавить. Ее мысли вернулись к Эларе Мерандус, которая не сводила пристального взгляда с членов королевской семьи и кривила губы от отвращения к так называемой капитуляции королевы.

– О да. – Блуждающий взгляд принца остановился на опустевшем бокале. – Будете допивать? – спросил он. В этот раз он действительно ждал ответ на свой вопрос.

– Мне не стоит этого делать, – сказала она, ставя бокал на скамейку. – На самом деле, мне стоит вернуться внутрь. Джессамин – моя кузина – и так будет на меня очень злиться.

«Надеюсь, она не будет весь вечер читать мне нотации».

Небо над головой потемнело, и тучи начали рассеиваться, очищаясь от дождевых облаков. Показались яркие звезды. Тепло, исходящее от тела принца, подпитываемое его способностями поджигателя, создавало вокруг них приятную атмосферу, и Кориане не хотелось уходить. Она сделала ровный вдох, в последний раз вдохнув аромат магнолий, и заставила себя встать со скамейки.

Тиберий вскочил вместе с ней, по-прежнему неторопливый в своих манерах.

– Мне проводить вас? – спросил он, как сделал бы любой джентльмен. Но Кориана прочла в его глазах нежелание и отмахнулась от него.

– Нет, я не буду наказывать нас обоих.

При этих словах его глаза вспыхнули.

– К слову о наказаниях. Если Элара еще раз начнет шептать вам, продемонстрируйте ответную любезность.

– Как вы... как вы узнали, что это была она?

Штормовое облако эмоций промелькнуло на его лице, большинство из них были неизвестны Кориане. Но она определенно распознала гнев.

– Она знает, как и все остальные, что мой отец скоро вызовет дам на Выбор королевы. Не сомневаюсь, что она забралась в голову каждой девушки, чтобы узнать своих врагов и свою добычу. – Он с какой-то ожесточенностью допил остатки вина. Но пустовала бутылка недолго. На его запястье что-то сверкнуло, появилась желто-белая вспышка – и в бутылке вспыхнуло пламя, сжигая последние капли алкоголя в его зеленой клетке. – Мне говорили, что ее техника точна, почти идеальна. Ее не почувствовать, если она сама этого не захочет.

Кориана почувствовала во рту привкус желчи. Она сосредоточилась на пламени в бутылке, хотя бы для того, чтобы избежать взгляда Тиберия. Пока она смотрела, от жара стекло треснуло, но не разбилось.

– Да, – сказала она. – И правда не почувствовать.

– Но вы же певец, верно? – Его голос внезапно стал резким, как его пламя, болезненно-желтое за зеленым стеклом. – Отплати ей той же монетой.

– Я не могу этого сделать. У меня нет такого умения. Кроме того, есть законы. Мы не используем способности против наших сородичей, вне надлежащих каналов...

На этот раз его смех был пустым.

– И что, соблюдает Элара Мерандус эти законы? Кориана, если она бьет тебя, ты должна ударить ее в ответ. Таков порядок вещей в моем королевстве.

– Это королевство еще не ваше, – услышала Кориана собственный тихий голос.

Но Тиберий не возражал. На его лице появилась мрачная усмешка.

– Я подозревал, что в тебе есть стержень, Кориана Джейкос. Где-то там, внутри.

Но в ней нет стержня. Все в ней кипело от гнева, но она не могла позволить ему вырваться наружу. Он принц, будущий король. А она – никто, жалкое подобие Серебряной дочери Высокого Дома. Вместо того чтобы выпрямиться, как ей хотелось, она присела в еще одном реверансе.

– Ваше высочество, – сказала она, опуская глаза на его сапоги.

Он не пошевелился, не сократил расстояние между ними, как сделал бы герой ее книг. Тиберий Калор отступил и отпустил ее в волчье логово, одну, без щита и под защитой только ее собственного сердца.

Спустя какое-то время она услышала, как разбилась бутылка – и как разлетелись от стволов магнолий осколки.

«Странный принц, еще более странный вечер, – написала она позже. – Не знаю, захочу ли я когда-нибудь увидеть его снова. Но он тоже казался одиноким. Разве нам не должно быть одиноко вместе?»

По крайней мере, Джессамин была слишком пьяна, чтобы ругать меня за то, что я сбежала».

* * *

Жизнь при дворе была не лучше и не хуже, чем в поместье.

Губернаторство принесло большие доходы, но этого и близко не хватало, чтобы Дом Джейкос мог позволить себе что-то больше самого необходимого. У Корианы все еще не было собственной горничной, да она этого и не хотела, хотя Джессамин продолжала ворчать, что нужно, чтобы у нее была прислуга. По крайней мере, городской дом в Архоне было легче содержать, чем поместье в Адеронаке, которое закрыли ставнями после переезда семьи в столицу.

«Мне почему-то этого не хватает, – писала Кориана. – Пыли, заросших садов, пустоты и тишины. Там было столько уголков, о которых знала только я, где я могла спрятаться от отца, Джессамин – и даже от Джулиана».

Больше всего она оплакивала потерю гаража и хозяйственных построек. У семьи уже много лет не было рабочего транспорта – и, конечно, они не могли нанять водителя, –

но в гараже стоял неуклюжий корпус частного транспорта, шестиместного. Остатки былой роскоши. Его двигатель вытащили на пол, как орган. В разных сараях валялись сломанные водонагреватели, старые, разобранные на запчасти, печи, не говоря уже о всякой всячине, оставшейся после их давно уволившихся садовников.

«Это уже не говоря о незаконченных мозаиках, кусочки которых никогда не будут собраны вместе. Какое расточительство. Столько времени потрачено на зачистку проволоки или подсчет винтов – и все ради чего? Ради знаний, которыми я никогда не воспользуюсь? Проклятых знаний, низменных, глупых по сравнению со всеми остальными? Что я делала с собой на протяжении пятнадцати лет? Великую конструкцию из ничего. Наверное, я скучаю по старому дому, потому что он был со мной в моей пустоте, в моей тишине. Я думала, что ненавижу поместье, но столицу, кажется, я ненавижу еще больше».

Лорд Джейкос, конечно, отклонил просьбу своего сына. Его наследник не поедет в Дельфи переводить рассыпающиеся записи и архивировать мелкие артефакты. «В этом нет смысла», – сказал он. Точно так же, как он не видел смысла во всем, что делала Кориана, – и регулярно высказывал это мнение.

Оба его отпрыска были полностью опустошены, потому что оба чувствовали, что сбежать не вышло. Даже Джессамин заметила их спад эмоций, хоть и ничего не сказала ни

одному, ни другому. Но Кориана знала, что их старая кухня была снисходительна к ней в первые месяцы при дворе, или, скорее, она была сурова к выпивке. Сколько бы Джессамин ни говорила об Археоне и Саммертоне, ни один, ни второй ей, похоже, не очень нравился, судя по тому, как она стала прикладываться к джину.

Чаще всего Кориане удавалось ускользнуть во время ежедневного «сна» Джессамин. Она много раз гуляла по городу в надежде найти место, которое ей бы понравилось, место, где она могла бы закрепиться в новом бурлящем море своей жизни.

Места она не нашла – но вместо этого нашла человека.

Несколько недель спустя он попросил ее называть ее Тибом. Семейное прозвище, которым пользовались члены королевской семьи и узкий круг дорогих друзей.

– Ну хорошо, – сказала Кориана, соглашаясь выполнить его просьбу. – Говорить «ваше высочество» становилось немного больно.

Впервые они встретились случайно, на массивном мосту, перекинутом через Столичную реку и соединяющем обе стороны Археона. Удивительное сооружение из витой стали и стропильного железа, поддерживающее три уровня проезжей части, площадей и торговых площадей. Кориану не слишком завораживали магазины с отрезами шелковой ткани или стильные закусочные на воде, но больше интересовал сам мост, его конструкция. Она пыталась понять, сколь-

ко тонн металла было у нее под ногами, в ее голове крутилось бесчисленное множество уравнений. Сначала она не заметила ни идущих в ее сторону стражников, ни принца, за которым они следовали. В этот раз он был трезв и у него не было бутылки.

Кориана думала, что он пройдет мимо, но вместо этого он остановился рядом с ней, и его тепло стало мягким, как прикосновение лучей летнего солнца.

– Леди Джейкос, – сказал он, проследив за направлением ее взгляда. – Вас что-то заинтересовало?

Она склонила голову в поклоне, но не хотела смущать себя еще одним жалким реверансом.

– Думаю, да, – ответила она. – Мне просто стало интересно, на скольких тоннах металла мы стоим, надеясь, что конструкция нас выдержит.

Принц разразился нервным смехом. Он переступил с ноги на ногу, словно внезапно осознав, насколько высоко над водой они находятся.

– Я сделаю все возможное, чтобы выбросить эту мысль из головы, – пробормотал он. – У вас есть еще какие-нибудь пугающие мысли, которыми вам хотелось бы поделиться?

– Сколько у вас времени? – спросила девушка с полуулыбкой.

Только с полуулыбкой, потому что что-то мешало ей расслабиться и позволить себе улыбаться полностью. В столице Кориане казалось, что она сидит в клетке, здесь она была не

счастлива. Тиберий Калор – тоже.

– Не окажете ли вы мне любезность прогуляться? – спросил он, протягивая руку. На этот раз Кориана не заметила ни колебаний, ни даже задумчивого вопроса. Он уже знал, что она ответит.

– Конечно.

И она вложила свою руку в его.

«Это будет последний раз, когда я держу за руку принца», – думала она, когда они шли по мосту. Она думала так каждый раз и всегда ошибалась.

В начале июня, за неделю до того, как двор покинул Археон и переехал в меньший, но такой же величественный летний дворец, Тиб решил кое с кем ее познакомить. Они должны были встретиться в Восточном Архоне, в саду скульптур возле театра «Гексаприн». Кориана пришла рано, потому что Джессамин начала пить во время завтрака, и ей не терпелось поскорее уйти. На этот раз ее относительная бедность была преимуществом. На девушке была обычная одежда – хоть по желтой и светло-золотой полоске, цветам ее дома, было понятно, что она Серебряная, – но в наряде не было ничего примечательного. Никаких драгоценных камней, чтобы обозначить, что она леди Высокого Дома, что она – кто-то, заслуживающий внимания. У нее не было даже одетого в форму слуги, который стоял бы в нескольких шагах позади нее. Другие Серебряные, проплывающие между мраморными скульптурами, едва ее замечали, и в этот раз это было ей

по душе.

Зеленый купол «Гексаприна» возвышался над ней, заслоняя ее от все еще восходящего солнца. Черный лебедь из гладкого, безупречного гранита восседал на вершине, его длинная шея была изогнута, а крылья широко расправлены. Каждое его перышко было вырезано самым тщательным образом. Прекрасный памятник неумеренности Серебряных.

«И вероятно, сделали его Красные», – подумала она, оглядываясь по сторонам.

Красных поблизости не было, но они суетились на улице. Несколько человек остановились, чтобы взглянуть на театр, поднимая головы, чтобы взглянуть на место, где они никогда не смогут жить.

«Возможно, когда-нибудь я приведу сюда Элизу и Мелани».

Она задалась вопросом, понравится ли это ее служанкам или их смутит такое снисхождение.

Ей так и не суждено было узнать ответ на этот вопрос. Прибытие Тиба заставило ее совершенно позабыть о своих Красных служанках – а вместе с ними и о большинстве других вещей.

В нем не было и толики красоты его отца, но по-своему он был все же красив. У Тиба была мощная челюсть, украшенная результатами упрямого желания отрастить бороду, выразительные золотистые глаза и озорная улыбка. Когда он выпивал, его щеки наливались румянцем, а смех становился

громче – и становился сильнее и исходящий из него жар, – но в данный момент он был трезв как стеклышко, а движения его были резкими.

«Он нервничает», – поняла Кориана, двигаясь навстречу ему и его свите.

Сегодня он был одет просто – «но не так бедно, как я». Никакой формы, медалей, никакой атрибутики, которая бы говорила, что это королевское событие. На нем было простое пальто угольно-серого цвета, накинутое поверх белой рубашки, темно-красные брюки и черные ботинки, начищенные до зеркального блеска. Стражи были одеты не столь неформально. Их маски и пылающие одежды были достаточным знаком его первородства.

– Доброе утро, – сказал он, и она заметила, как его пальцы быстро забарабанили по бокам. – Я думал, сегодня мы можем посмотреть «Падение зимы». Он новый, из Пьемонта.

Ее сердце подпрыгнуло от такой перспективы. Театр был расточительностью, которую ее семья едва ли могла себе позволить, и, судя по блеску в глазах Тиба, он знал это.

– Конечно, звучит просто замечательно.

– Хорошо, – сказал он, подавая ей руку. Этот жест стал привычен им обоим, но все равно рука Корианы гудела от ощущения его присутствия. Она давно решила, что они всего лишь друзья – «он принц, он связан необходимостью провести Выбор королевы», – хотя она все еще могла наслаждаться его присутствием.

Они вышли из сада и направились к выложенным плиткой ступеням театра и площади с фонтаном перед входом. Большая часть людей остановилась, чтобы дать им пройти. Они смотрели, как принц и знатная дама направляются в театр. Кориану ослепили вспышки нескольких фотоаппаратов, но Тиб улыбнулся. Он к этому привык. Она тоже не возражала, но все же ей это было не совсем по душе. На самом деле она задавалась вопросом, есть ли способ приглушить лампочки камер, чтобы они не ослепляли любого, кто подходит к ним. Она думала о лампочках, проводах и затемненных стеклах, пока Тиб не прервал ее размышления.

– Кстати, к нам присоединится Роберт, – выпалил он, когда они переступили порог, переступив через мозаику со взлетающими черными лебедями.

Сперва Кориана едва слышала, что он говорит, – слишком уж она была ошеломлена красотой «Гексаприна» с его мраморными стенами, высокими лестницами, взрывами цветов и зеркальным потолком, увешанным десятком позолоченных люстр. Но через секунду она стиснула зубы и, повернувшись к Тибу, обнаружила, что он сильно покраснел – сильнее, чем она когда-либо видела.

Она обеспокоенно моргнула, глядя на него. Перед ее мысленным взором предстал любовник короля, принц, который был не королевской крови.

– Меня это вполне устраивает, – сказала она, стараясь говорить тихо. Собиралась толпа, жаждущая попасть на утрен-

нее представление. — Если это устраивает тебя.

— Нет-нет, я очень рад, что он пришел. Я... попросил его прийти. — Принц почему-то заикался, и Кориана не могла понять почему. — Я хотел вас познакомить.

— О, — сорвалось с ее губ, и она замолчала, не зная, что еще сказать. Затем она взглянула на свое платье — обычное, вышедшее из моды — и нахмурилась. — Жаль, что я так одета. Не каждый день встречаешь принца, — добавила она, едва заметно подмигнув.

С его губ сорвался облегченный смешок.

— Умно, Кориана, очень умно.

Они обошли билетные кассы, а также общественный вход в театр. Тиб повел ее вверх по одной из винтовых лестниц, открывая лучший вид на огромное фойе. Как и на мосту, она задавалась вопросом, кто создал это место, но в глубине души знала на него ответ. Красные ремесленники, возможно, с помощью нескольких магнетронов.

И, как обычно, она не могла в это поверить.

«Как слуги могли создавать такую красоту и при этом считаться людьми второго сорта? Они способны на такие чудеса, которые мы творить не можем».

Они получали навыки благодаря многим часам ручной работы, а не по рождению.

«Разве это не равно силе Серебряной крови, если не превосходит ее?»

Но она размышляла над этим недолго. Никогда не уделяла

этому время.

Так уж устроен мир.

Королевская ложа находилась в конце длинного, устланного коврами зала, украшенного картинами. На многих были изображены принц Роберт и королева Анабель – оба они были великими покровителями искусств в столице. Тиб задержался у портрета Роберта и своей матери в полных регалиях и с гордостью указал на них Кориане.

– Анабель ненавидит эту картину, – раздался голос на другом конце коридора. Голос принца Роберта был так же мелодичен, как и его смех, и Кориана задумалась, не течет ли у него в жилах кровь певцов.

Принц приблизился, элегантно и бесшумно скользя по полу.

«Шелк», – поняла Кориана, вспомнив, что он из Дома Айрел. Его способностями были ловкость и равновесие, благодаря чему он быстро двигался и обладал акробатическим мастерством. Его длинные, иссиня-черные волосы были переброшены на одно плечо, поблескивая темными волнами. Когда он сократил расстояние между ними, Кориана заметила седину на его висках, а также смешливые морщинки вокруг его рта и глаз.

– Она считает, что мы тут не похожи на себя – слишком красивы. Ну, ты же знаешь свою мать, – продолжил Роберт, останавливаясь перед картиной. Он указал на лицо Анабель, а затем на свое собственное. Оба, казалось, светились моло-

достью и жизненной силой, их черты лица были прекрасны, а глаза сияли. – Но мне кажется, что с ними все в порядке. В конце концов, кому время от времени не нужна небольшая помощь? – добавил он, добродушно подмигнув. – Ты скоро это поймешь, Тиб.

– Нет, я не согласен, – ответил Тиб. – Позировать для картин, возможно, самое скучное занятие в королевстве.

Кориана искоса взглянула на него.

– Хотя это небольшая цена, которую нужно заплатить. За корону.

– Хорошо сказано, леди Джейкос, хорошо сказано, – рассмеялся Роберт, откидывая волосы назад. – Будь с ней осторожен, мой мальчик. Или ты уже забыл о хороших манерах?

– Конечно, конечно, – сказал Тиб, жестом показывая Кориане, чтобы она подошла поближе. – Дядя Роберт, это Кориана из Дома Джейкос, дочь лорда Харруса, губернатора Адеронака. Кориана, это принц Роберт из Дома Айрел, принц-консорт Его Королевского Величества, короля Тиберия Пятого.

За последние месяцы реверансы стали даваться ей намного лучше, но ситуация не сильно улучшилась. И все же она попыталась – только чтобы Роберт заключил ее в объятия. От него пахло лавандой... и печеным хлебом?

– Счастлив наконец-то с вами познакомиться, – сказал он, держа ее на расстоянии вытянутой руки. На этот раз Кориане не показалось, что ее рассматривают. Казалось, Роберт

весь был воплощением доброты. Он тепло улыбнулся ей. – Идем, представление должны начать с минуты на минуту. – Как и до этого, Роберт взял ее за руку и похлопал по руке, как любящий дедушка. – Конечно же, вы должны сесть рядом со мной.

В груди Корианы что-то сжалось. Ощущение было незнакомым. Это было... счастье? Она подумала, что да.

Улыбнувшись так широко, как только могла, она оглянулась через плечо и увидела, что Тиб следует за ней. Он смотрел на нее, а его улыбка была одновременно радостной – и полной облегчения.

На следующий день Тиб уехал со своим отцом на смотр войск в форт Дельфи, и у Корианы было свободное время, чтобы навестить Сару. У Дома Сконос был роскошный городской дом на склонах Западного Археона, но они также пользовались апартаментами в самом дворце Белого Огня на случай, если королевской семье понадобится опытный целитель кожи. Сара встретила ее у ворот. Она была одна; ее улыбка могла бы одурачить стражей, но была предупреждением для Корианы.

– Что такое? Что случилось? – прошептала она, как только они дошли до садов вне покоев Сконосов.

Сара повела их дальше в глубь деревьев, пока они не оказались в нескольких дюймах от увитой плющом садовой стены, с огромными розовыми кустами по обе стороны, скры-

вающими их обоих из виду. Кориану накрыла волна паники.

«Что-то случилось? С родителями Сары? Неужели Джулиан был неправ – неужели Сара бросит их и уйдет на войну?»

Кориана эгоистично надеялась, что это не так. Она любила Сару так же сильно, как Джулиан, но не хотела смотреть, как она уходит, даже чтобы воплотить свои жизненные цели. Эта мысль уже наполнила ее ужасом, и Кориана почувствовала, как ее глаза защипало от слез.

– Сара, ты... ты собираешься... – начала она, заикаясь, но Сара отмахнулась от нее.

– О, Кори, это не имеет ко мне никакого отношения. Не смей плакать, – добавила она, выдавив легкий смешок и обняв Кориану. – О, прости, я не хотела тебя расстраивать. Я просто не хотела, чтобы нас подслушали.

Кориана почувствовала прилив облегчения.

– Слава моим цветам, – пробормотала она. – Так что же требует такой секретности? Твоя бабушка снова просит тебя поднять ей брови?

– Я, конечно, надеюсь, что нет.

– Так что же?

– Ты встречалась с принцем Робертом.

Кориана усмехнулась.

– И? Это двор, все встречались с Робертом...

– Его все знают, но никто не ходит на частные аудиенции с любовником короля. На самом деле, его совсем не любят.

– Даже не представляю почему. Кажется, он самый добрый человек из всех, кого я здесь встречала.

– В основном – из-за зависти. Также несколько Домов с более традиционными взглядами считают, что неправильно возносить его так высоко. Думаю, «коронованная проститутка» – наиболее частоупотребимый термин.

Кориана покраснела, одновременно от гнева и смущения за Роберта.

– Ну, если встретиться с ним и понравиться ему – скандал, тогда я нисколько не возражаю. Как и Джессамин, она была очень взволнована, когда я объяснила...

– Потому что дело не в Роберте, Кориана. – Сара взяла ее за руки, и Кориана почувствовала, как частичка способностей ее подруги просачивается сквозь ее кожу. Прохладное прикосновение, означавшее, что порез, который она получила, читая газету накануне, быстро затягивается. – Дело в тебе и наследном принце, в том, как вы близки. Все знают, насколько тесно связаны члены королевской семьи, особенно в том, что касается Роберта. Они ценят его и защищают. Если Тиберий хотел, чтобы вы встретились, это значит...

Несмотря на приятное ощущение, Кориана отпустила руки Сары.

– Мы друзья. И можем быть только друзьями. – Она выдавила из себя совсем не свойственный ей смешок. – Ты же не можешь всерьез думать, что Тиб видит во мне что-то большее, что он хочет или даже может хотеть от меня чего-то

большого?

Она ожидала, что ее подруга посмеется вместе с ней, отмахнется от всего этого, как от шутки. Но напротив, Сара никогда еще не была такой серьезной.

– На это указывают все признаки, Кориана.

– Ну, ты ошибаешься. Я не... он бы не стал... И, кроме того, нужно подумать о Выборе королевы. До него осталось совсем немного времени, он совершеннолетний и никто никогда не выберет меня.

Сара снова взяла руки Корианы и нежно сжала их.

– Думаю, он бы выбрал.

– Не говори так, – прошептала Кориана. Она посмотрела на розы, но увидела лицо Тиба. Теперь, когда их связывали месяцы дружбы, она хорошо помнила черты его лица. Она помнила, какой у него нос, губы, линия челюсти, а лучше всего – его глаза. Они что-то в ней пробудили, между ними зародилась связь, которая, как Кориана считала, у нее не сможет быть с другим человеком. Она видела в них себя, свою собственную боль, свою собственную радость.

«Мы одинаковые, – подумала она. – Мы ищем что-то, что сможет удержать нас, оба мы одиноки в комнате, в которой полно народу».

– Это невозможно. И говоря мне это, давая мне хоть какую-то надежду, когда дело касается его... – Она вздохнула и прикусила губу. – Мне не нужна эта душевная боль – и все остальное тоже не нужно. Он мой друг, а я его. И ничего

больше.

Сара была не из тех, кто предается фантазиям или грезам. Ей было важнее сращивать сломанные кости, чем чинить разбитые сердца. Так что Кориана не могла не поверить ей, когда она заговорила, даже вопреки своему дурному предчувствию.

– Друг или нет, но Тиб благоволит тебе. И только из-за этого ты должна быть осторожна. Он только что нарисовал мишень у тебя на спине, и каждая девушка при дворе это знает.

– Едва ли каждая девушка при дворе знает, кто я такая, Сара.

Но все равно она вернулась домой настороже.

В ту ночь ей снились ножи, завернутые в шелк, разрезающие ее на части.

* * *

Выбора королевы не будет.

Прошло два месяца, и каждый рассвет двор в Зале Солнца ожидал объявления. Лорды и леди без конца спрашивали у короля, когда же его сын выберет невесту из числа их дочерей. Короля не тронул ни один из них, он только бросал на всех стоические взгляды своих прекрасных глаз. Королева Анабель вела себя точно так же, не давая никаких намеков на то, когда же ее сын выполнит свою самую важную обя-

занность. Только принц Роберт имел смелость улыбнуться, точно зная, какая буря собирается на горизонте. Дни шли, слухи распространялись. Люди задавались вопросом, не пошел ли Тиберий в своего отца и не предпочитает ли он мужское общество женскому. Но даже в этом случае он обязан был выбрать королеву, которая родила бы ему собственных сыновей. Другие были более проницательны. Они заметили аккуратно разложенный след из хлебных крошек, оставленный для них Робертом. Указания были ненавязчивыми, но четкими.

«Принц четко сделал свой выбор, и ни одна арена не изменит его решения».

Кориана Джейкос регулярно обедала с Робертом и королевой Анабель. Оба поспешили рассыпаться в похвалах молодой девушке, да так, что сплетники задались вопросом, так ли Дом Джейкос слаб, как кажется.

«Это трюк? – говорили они. – Плохая маска, чтобы скрыть истинный облик влиятельных людей?»

Были среди них и циники. Они нашли другие объяснения.

«Она певец, манипулятор. Она посмотрела в глаза принцу и заставила его полюбить ее. Не в первый раз кто-то нарушил бы наши законы ради короны».

Лорд Харрус наслаждался вновь обретенным вниманием. Он использовал его как рычаг, чтобы обменять будущее своей дочери на тетрархи и кредиты. Но он плохо играл в эту большую и сложную игру. Он потерял столько же, сколь-

ко занял, проигравшись в карты, делая ставки на казначейские акции или предпринимая непродуманные, дорогостоящие предприятия, чтобы «улучшить» регион, которым он управлял. Лорд Самос заверил его, что в холмах Аденоракка есть богатые месторождения железа, и по его настоятельной просьбе он основал там две шахты. В течение нескольких недель оказалось, что в них нет ничего, кроме грязи, и предприятие потерпело полный провал.

Об этих неудачах знал только Джулиан. Он тщательно скрывал их от своей сестры. Тиб, Роберт и Анабель сделали то же самое, защищая ее от худших сплетен. Вместе с Джулианом и Сарой они старались держать Кориану в блаженном неведении. Но, конечно, даже несмотря на их усилия, Кориана все знала. И чтобы ее семья и друзья не волновались, чтобы они были счастливы, она притворялась, что верит им.

Цену этой лжи знал только ее дневник.

«Отец собственными руками загоняет нас в могилу. Он хвастается мной перед своими так называемыми друзьями, говорит им, что я стану следующей королевой этого королевства. Не помню, чтобы он когда-то уделял мне столько внимания... но даже сейчас этого ничтожно мало, и он делает это не в моих интересах. Теперь он притворяется, что любит меня, из-за другого, из-за Тиба. Он снисходит до того, что я тоже что-то из себя представляю только тогда, когда кто-то другой видит во мне какую-то ценность».

Из-за отца ей снился обряд Выбора королевы, снилось,

что ее не выбрали, она снова оказалась в тени и ее отослали в старое поместье. А там ее заставили спать в семейной усыпальнице, рядом с неподвижным, обнаженным телом ее дяди. Его труп дергался, и руки тянулись к ее горлу, она просыпалась вся в поту, не в силах заснуть до конца ночи.

«Джулиан и Сара считают меня слабой, хрупкой фарфоровой куклой, которая может разбиться, если к ней прикоснуться, – писала она. – Хуже всего то, что я начинаю им верить. Неужели я действительно такая хрупкая? Такая бесполезная? Смогу ли я помочь, если Джулиан попросит меня о помощи? Являются ли уроки Джессамин лучшим, что мне доступно? Кем я становлюсь в этом месте? Сомневаюсь, что помню даже, как заменить лампочку. Я себя не узнаю. Вот, значит, что такое взросление?»

Из-за Джулиана ей снилось, что она оказалась в красивой комнате, но все двери там заперты, а все окна закрыты. Она была там совсем одна, в комнате не было никого и ничего. Даже книг не было. Не было ничего, что могло бы ее расстроить. И всегда комната превращалась в птичью клетку с золотыми прутьями. Она сжималась и разжималась, пока прутья не начинали резать ее кожу и она не просыпалась.

«Я не такое чудовище, каким меня считают сплетники. Я не сделала ничего плохого, никем не манипулировала. Я даже не пользовалась своими способностями в течение нескольких месяцев, так как у Джулиана больше нет времени меня обучать. Но люди в это не верят. Я вижу, как они на

меня смотрят, даже шепоты Дома Мерандус. Даже Элара. Я не слышала ее голоса в своей голове с того банкета, когда ее насмешки привели меня к Тибу. Возможно, из-за этого она поняла, что лучше не вмешиваться. Или, может быть, она боится смотреть мне в глаза и слышать мой голос, как будто я могу быть достойным противником ее резкому шепоту. Но, конечно, это не так. Перед такими, как она, я совершенно беззащитна. Возможно, мне следует поблагодарить того, кто пустил этот слух. Хищники вроде нее из-за этого держатся от меня подальше – и не делают меня своей добычей».

Из-за Элары ей снились ледяные голубые глаза, которые ловят каждое ее движение, внимательно смотрят, как она надевает корону. Люди кланялись под ее пристальным взглядом и усмехались, когда она отворачивалась, строя заговор против своей новоиспеченной королевы. Они боялись ее и ненавидели в равной мере, каждый из них был волком, ожидающим, когда она покажет, что она ягненок. Она пела во сне бессловесную песню, которая только удваивала их жажду крови. Иногда они убивали ее, иногда игнорировали, иногда сажали в камеру. Кориана резко просыпалась после каждого из этих вариантов развития событий.

«Сегодня Тиб сказал, что любит меня, что хочет жениться на мне. Я ему не верю. Зачем ему это нужно? Во мне ведь нет ничего особенного. Я не писанная красавица, у меня нет ума, силы или могущества, способных помочь его правлению. Я приношу ему одни беспокойства. Нужно, чтобы

рядом с ним был кто-то сильный, кто-то, кто не обращает внимания на сплетни и преодолевает собственные сомнения. Тиб так же слаб, как и я, он одинокий мальчик, у которого нет собственного пути. Я сделаю только хуже. Я только причиню ему боль. Как я могу так поступить?»

Из-за Тиба ей снилось, что она навсегда покинула двор. Прямо как хотел сделать Джулиан, чтобы не привязывать к себе Сару. Места менялись в зависимости от смены ночей. Она бежала в Дельфи, или в Причальную гавань, или даже в Озёрный край. Каждое из этих мест было окрашено в оттенки черного и серого. Города теней, которые должны были поглотить ее и спрятать от принца и предложенной им короны. Но ее пугали и они. А еще – там никогда никого не было, даже призраков. В этих снах она всегда оставалась одна. Когда ей снились такие сны, она просыпалась с высохшими слезами на щеках и болью в сердце.

И все же у нее не хватило сил ему отказать.

Когда Тиберий Калор, наследник престола Норты, опустился на колени с кольцом в руке, она приняла его. Она улыбнулась. Она поцеловала его. Она сказала «да».

– Ты сделала меня счастливее, чем я думал, что могу стать, – сказал ей Тиб.

– Я знаю это чувство, – ответила она, вкладывая смысл в каждое слово. Она была счастлива, да, по-своему, насколько могла.

Но свет одинокой свечи в темноте и восход солнца – это

разные вещи.

Высокие дома были против. В конце концов, Выбор королевы был их правом. Они имели право выдать самого благородного сына за самую талантливую дочь. Дома Мерандус, Самос, Осанос когда-то были лидерами, готовили своих дочерей к роли королевы только для того, чтобы возможность получить корону у них отняла какая-то пустышка. Но король твердо стоял на своем. К тому же такие прецеденты уже были. По крайней мере два короля династии Калор уже вступали в брак вне уз Выбора королевы. Тиб будет третьим.

Как бы в извинение за пренебрежение Выбором королевы остальная часть свадьбы была строго традиционной. Они растянули помолвку до следующей весны, чтобы она состоялась, когда Кориане исполнится шестнадцать, позволяя королевской семье убеждать, угрожать и выкупать признание Высоких Домов. В конце концов все согласились с условиями. Кориана Джейкос станет королевой, но ее дети, все они, должны будут жениться по расчету. Кориана не хотела заключать эту сделку, но Тиб хотел это сделать, и она не смогла ему отказать.

Разумеется, Джессамин решила, что все это – ее заслуга. Даже когда Кориана надевала свадебное платье, за час до свадьбы, ее старая кузина прокукарекала над полным до краев бокалом.

– Какой стан. Это кость Джейкосов. Ты стройная и грациозная, как птичка.

Кориана не чувствовала ничего подобного.

«Если бы я была птицей, то могла бы улететь вместе с Тибом».

Когда ей на голову надели тиару, первую из многих, она сильно врезалась в череп. Плохое предзнаменование.

– Станет легче, – прошептала ей на ухо королева Анабель. Кориане хотелось ей верить.

Поскольку у нее не было матери, Кориана охотно согласилась, чтобы Анабель и Роберт стали ее посаженными родителями. В идеальном мире Роберт даже повел бы ее к алтарю вместо ее отца, который так и продолжал демонстрировать свое убожество. Харрус попросил в качестве свадебного подарка пособие в пять тысяч тетрархов. Он, казалось, не понимал, что подарки обычно дарят невесте, а не просят у нее. Он потерял свою должность губернатора Аденорака, потому что плохо управлял вверенным ему регионом – даже несмотря на то, что его дочь была без пяти минут членом королевской семьи. Из-за нетрадиционной помолвки сына королевская семья и так ходила по тонкому льду. Они просто ничего не смогли поделать – и управление Аденораком было передано ликующему Дому Провос.

После церемонии, банкета и даже после того, как Тиб заснул в их новой спальне, Кориана сделала пометку в своем дневнике. Ее почерк был торопливым, невнятным, с наклонными буквами и кровоточащими на страницах кляксами чернил. С этих пор она стала писать в дневнике намного

реже.

«Я замужем за принцем, который однажды станет королем. Обычно на этом сказка заканчивается. После этого истории не заходят далеко, и, боюсь, у этого есть веская причина. Сегодня меня весь день одолевало чувство страха – черная туча, от которой я все еще не могу избавиться. Это беспокойство поселилось глубоко в моем сердце, оно высасывает из меня силы. Или, может быть, я заболеваю. Это вполне возможно. Сара узнает.

Мне все время снятся ее глаза. Глаза Элара. Возможно ли... может ли она посылать мне эти кошмары? Может ли шепот сделать такое? Я должна знать. Я должна. Должна. ДОЛЖНА».

Став принцессой Норты, она первым же делом наняла достойного наставника, а также сделала так, чтобы у Джулиана было место при ее дворе. И для того, чтобы отточить ее способности, и для того, чтобы помочь защититься от того, что она называла «раздражениями». Тщательно подобранное слово. Она снова решила держать свои проблемы при себе, чтобы не беспокоить брата и мужа.

Обоим было о чем подумать еще. Джулиан был занят Сарой, а Тиб – еще одним хорошо охраняемым секретом.

Король был болен.

Прошло два долгих года, прежде чем во дворе поняли, что что-то не так.

– Это продолжается уже какое-то время, – сказал Роберт, сжимая руку Корианы. Она стояла с ним на балконе, лицо ее выражало печаль. Принц все еще был красив, все еще улыбался, но кто-то как будто высосал из него всю энергию; кожа его стала тусклой и серой, лишенной жизни. Казалось, он умирает вместе с королем. Но у Роберта была болезнь сердца, а не костей и крови, как говорили целители о недугах короля. Тиберия пожирал рак, болезнь изводила его опухольями и гнилью.

Роберт задрожал, несмотря на то, что на улице ярко светило солнце, не говоря уже о жарком летнем воздухе. Кориана почувствовала, как у нее на затылке выступил пот, но, как и у Роберта, внутри у нее все похолодело.

– Целители кожи делают все, что могут. Если бы только он сломал позвоночник. Это можно было решить одним щелчком пальцев.

Смех Роберта звучал глухо, как песня без нот. Король еще не был мертв, а его супруга уже превратилась в оболочку самого себя. И хотя она боялась за своего тестя, зная, что его ждет мучительная, болезненная смерть, она также боялась потерять Роберта.

«Он не может поддаться этому. Я ему не позволю».

– Все в порядке, не нужно ничего объяснять, – пробормотала Кориана. Она изо всех сил старалась не заплакать, хотя ей безумно этого хотелось.

«Как такое возможно? Разве мы не Серебряные? Разве мы

не боги?»

– Ему что-нибудь нужно? А вам?

На лице Роберта появилась пустая улыбка. Его взгляд метнулся к ее животу, еще не округлившемуся от жизни внутри. Принц это или принцесса, она еще не знала.

– Ему бы хотелось его увидеть.

Дом Сконос перепробовал все, даже королевскую кровь. Но какая бы болезнь у него ни была, она так и не исчезла. Она распространялась быстрее, чем они могли исцелять. Обычно Роберт сидел с ним в его комнате, но сегодня он оставил Тиберию наедине с сыном. Кориана знала почему. Скоро наступит конец. Король умрет, а есть вещи, которые должен знать только Тиб.

В день смерти короля Кориана отметила дату и закрасила всю страницу дневника черными чернилами. Она сделала то же самое несколько месяцев спустя, когда умер Роберт. Он не хотел жить, его сердце отказывалось биться. Что-то пожирало и его тоже, и в конце концов это нечто поглотило его целиком. Ничего нельзя было сделать. Никто не мог удержать его от полета в тени. Кориана горько плакала, делая запись в дневнике в день его смерти.

Она продолжила традицию. Черные страницы для черных смертей. Одна – для Джессамин; ее тело было просто слишком старо, чтобы жить дальше. Одна – для отца, который нашел свой конец на дне стакана.

И три – для выкидышей, которые случились у нее за эти

годы. Каждый из них произошел ночью, и перед каждым ей снился ужасный кошмар.

* * *

Кориане был двадцать один год, и она была беременна в четвертый раз.

Она не сказала ни одной живой душе, даже Тибу. Она не хотела, чтобы он страдал. Больше всего ей хотелось, чтобы об этом никто не знал. Если Элара Мерандус действительно все еще мучила ее, настраивая ее собственное тело против ее же нерожденных детей, она не хотела делать никаких заявлений относительно еще одного королевского ребенка.

Страхи хрупкой королевы не были основанием для изгнания Высокого Дома, не говоря уже о таком могущественном Доме, как Дом Мерандус. Итак, Элара все еще была при дворе, последняя из трех фавориток королевы, что еще не вышла замуж. Она не пыталась заигрывать с Тибом. Напротив, она регулярно подавала прошение присоединиться к числу придворных дам Корианы, – и ей регулярно отказывали в ее просьбе.

«Вот будет удивительно, если я ее изобличу, – думала Кориана, обдумывая свой скудный, но необходимый план. – Я застигну ее врасплох, напугаю достаточно, чтобы мне можно было работать. – Она практиковалась на Джулиане, Саре, даже на Тибе. Ее способности были отточены лучше, чем ко-

гда-либо. – У меня получится».

Прощальный Бал, знаменующий окончание сезона в летнем дворце, был идеальным прикрытием. Так много гостей, так много умов. К Эларе будет легко подобраться. Она не будет ожидать, что королева Кориана заговорит с ней, не говоря уже о том, что она будет ей петь. Но Кориана сделает и то, и другое.

Для такого случая она тщательно выбрала наряд. Даже сейчас, когда ей были доступны богатства короны, она чувствовала себя не в своей тарелке в своих малиновых и золотых шелках: ей казалось, что она девочка, которая пытается переиграть окружающих ее разодетых лордов и леди. Тиб, как всегда, присвистнул, сказал, что она красива, и заверил ее, что для него она единственная женщина – в этом мире или в любом другом. Обычно это успокаивало ее, но сейчас она нервничала, сосредоточившись на текущей задаче.

Ей казалось, что время идет слишком медленно и слишком быстро. Еда, танцы, приветствия, так много кривых улыбок и прищуренных глаз. В глазах многих она все еще была королевой-певцом, женщиной, которая магией проложила себе путь к трону.

«Если бы только это было правдой. Если бы только я была тем, кем меня считают, тогда Элара не имела бы никакого значения. Тогда я не проводила бы каждую ночь без сна, боясь спать, боясь видеть сны».

Возможность выполнить задуманное появилась у нее глу-

бокой ночью, когда вино было на исходе, а Тиб наслаждался своим драгоценным виски. Она отошла от него, предоставив Джулиана разбираться со своим пьяным королем. Даже Сара не заметила, как ее королева ускользнула к Эларе Мерандус, когда та бездельничала у балконных дверей.

– Давайте выйдем на улицу, леди Элара? – сказала Кориана, и ее широко раскрытые глаза сфокусировались на глазах Элары. Для любого, кто мог бы пройти мимо, ее голос звучал как музыка и хор одновременно, эlegantный, душераздирающий, опасный. Оружие столь же разрушительное, как пламя ее мужа.

Глаза Элары не дрогнули, остановившись на Кориане, и королева почувствовала, как ее сердце пропустило удар.

«Сосредоточься, – сказала она себе. – Сосредоточься, черт бы тебя побрал».

Если леди Мерандус нельзя очаровать, то Кориану ждет что-то куда хуже ее ночных кошмаров.

Но медленно, вяло Элара сделала шаг назад, не отводя глаз от Корианы.

– Да, – тупо сказала она, открывая балконную дверь.

Они вместе вышли на улицу. Кориана держала Элару за плечо, не давая ей пошатнуться. Снаружи стояла липкая жаркая ночь, последние вздохи лета в долине верхней реки. Кориана ничего этого не чувствовала. Глаза Элары были единственным, о чем она думала.

– Ты играла с моим разумом? – спросила она, переходя

прямо к своим намерениям.

– В последнее время – нет, – ответила Элара. Взгляд ее был затуманен.

– Когда это было в последний раз?

– В день твоей свадьбы.

Кориана удивленно моргнула. Так давно.

– Что? Что ты сделала?

– Я заставила тебя споткнуться, – на лице Элары появилась мечтательная улыбка. – Заставила тебя споткнуться о твое платье.

– И это... это все?

– Да.

– А сны? Кошмары?

Элара ничего не ответила. Кориана знала, что она молчит, потому что ей нечего сказать. Она сделала глубокий вдох, борясь с желанием заплакать.

«Эти страхи – мои собственные. Всегда были. И всегда будут. Я была неправа до того, как пришла ко двору, и была неправа еще долго после этого».

– Возвращайся в зал, – наконец прошипела она. – Забудь этот разговор.

Затем она отвернулась, прервав зрительный контакт, в котором так отчаянно нуждалась, чтобы держать Элару под контролем.

Элара быстро заморгала, как будто просыпаясь ото сна. Она бросила растерянный взгляд на королеву и поспешила

обратно на вечеринку.

Кориана двинулась в противоположном направлении, к каменным перилам, опоясывающим балкон. Она наклонилась над ними, пытаясь отдышаться, стараясь не закричать. Под ней простиралась зелень, сад фонтанов и камней более чем в сорока футах внизу. В течение одной парализующей секунды она боролась с желанием прыгнуть.

На следующий день она взяла на службу стражника, который смог бы защитить ее от любых способностей Серебряных, которые кто-то мог использовать против нее. Если не от Элары, то от какого-нибудь другого члена Дома Мерандус. Кориана просто не могла поверить, что ее разум вышел из-под контроля. В одну секунду она была счастлива, а в следующую – мучилась от перепадов эмоций, металась, как воздушный змей во время шторма.

Стражник был из Дома Арвен, Дома безмолвия. Его звали Рэйн. Спаситель, облаченный в белое, и он поклялся защищать свою королеву от всех сил.

По обычаю, младенца называли Тиберием. Кориана не испытывала к имени никаких чувств, но согласилась по просьбе Тиба. Следующего, по его заверениям, они назовут Джулианом. Малыш был толстым ребенком, рано начал улыбаться, часто смеялся, рос не по дням, а по часам. Она прозвала его Кэлом, чтобы отличать его от отца и деда. Прозвище

прижилось.

Мальчик скрашивал темные дни Корианы. В трудные времена он разделял тьму. В хорошие он освещал ее мир. Когда Тиб ушел на фронт, теперь, когда снова разгорелась война, в течение нескольких недель, Кэл оберегал ее. Ему всего несколько месяцев, и он был лучше любого щита в королевстве.

Джулиан души не чаял в мальчике, приносил ему игрушки, читал ему книги. Кэлу нравилось разбирать вещи на части и неправильно собирать их обратно – к радости Корианы. Она проводила много времени, собирая его разобранные на кусочки подарки, забавляя его так же, как и себя.

– Он будет больше своего отца, – сказала Сара. Она была не только главной фрейлиной Корианы, но и ее врачом. – Он сильный мальчик.

В то время как любая мать была бы счастлива услышать эти слова, Кориана их боялась. Крупнее своего отца, сильный мальчик. Она знала, что это значит для принца Дома Калор, наследника Пылающей Короны.

«Он не будет солдатом, – написала она в своем новом дневнике. – Я многим ему обязана. Слишком долго сыновья и дочери Дома Калор сражались, слишком долго в этой стране был король-воин. Слишком долго мы воевали, на фронте и... и также внутри страны. Может быть, писать такие вещи и преступление, но я королева. Я – королева. Я могу говорить и писать то, что думаю».

Шли месяцы, и Кориана все больше и больше думала о доме своего детства. Поместье стерли с лица земли, оно было разрушено губернаторами Провосами. Его лишили ее воспоминаний и призраков. Оно было слишком близко к границе Озёрного края, чтобы там могли жить настоящие Серебряные, даже несмотря на то, что боевые действия все еще велись на разбомбленных территориях Чока. Даже несмотря на гибель нескольких Серебряных, несмотря на то, что красные умирали тысячами. Их призывали со всех уголков королевства, вынуждали служить и сражаться.

«Моего королевства, – думала Кориана. – Мой муж подписывает каждое продление призыва на военную службу, никогда не останавливая цикл, только жалуясь на то, что у него сводит руки».

Она смотрела, как ее сын сидит на полу, широко улыбается и демонстрирует свой единственный зуб, увлеченно стуча парой деревянных кубиков друг о друга.

«Он уже не будет прежним», – сказала она себе.

Ей снова начали сниться кошмары. В этот раз к ней приходил ее взрослый сын. Он был в доспехах, вел солдат в бой, отправлял их в завесу дыма. Он следовал за ними и не возвращался.

С темными кругами под глазами она сделала то, что должно было стать предпоследней записью в ее дневнике. Слова, казалось, были вырезаны на странице. Она не спала три дня, не в силах вынести еще один сон о смерти сына.

«Калоры – дети огня, такие же сильные и разрушительные, как их пламя, но Кэл не будет таким, как другие. Огонь может разрушать, огонь может убивать, но также он может создавать. Лес, сожженный летом, к весне станет зеленым и будет расти лучше и сильнее, чем раньше. Пламя Кэла будет расти и пускать корни из пепла войны. Пушки затихнут, дым рассеется, и солдаты, Красные и Серебряные, вернутся домой. Спустя сто лет войны, мой сын принесет мир. Он не умрет, сражаясь. Не умрет. НЕ УМРЕТ».

Тиба не было в форте Патриот в Причальной гавани. Но прямо за ее дверью стоял Рэйн Арвен – и его присутствие приносило ей облегчение.

«Ничто не может коснуться меня, пока он здесь, – подумала она, приглаживая пушистые волосы на голове Кэла. – Единственный человек в моей голове – я сама».

Кормилица, пришедшая забрать ребенка, заметила взволнованное поведение королевы, ее подергивающиеся руки и остекленевшие глаза, но ничего не сказала. Это не ее дело.

Наступила и прошла еще одна ночь. Кориана не сомкнула глаз – но сделала последнюю запись в своем дневнике. Она нарисовала вокруг каждого слова цветы – цветы магнолии.

«Единственный человек в моей голове – я сама.

Тиб уже не тот, что прежде. Корона изменила его, как ты и боялась. В нем горит пламя – пламя, которое сожжет весь мир. И оно горит в твоём сыне, в принце, который никогда не изменит своей крови и никогда не сядет на трон.

Единственный человек в моей голове – я сама.

Единственный человек, который не изменился, – это ты. Ты все та же маленькая девочка, которая сидит в пыльной комнате, забытая, нежеланная, неуместная. Ты королева всего, мать прекрасного сына, жена короля, который любит тебя, и все же ты не можешь найти в себе силы улыбнуться.

Все равно ты ничего из себя не представляешь.

Все равно ты – ничтожество.

Единственный человек в твоей голове – я сама.

Она не имеет значения.

Она – ничто».

На следующее утро горничная обнаружила на полу россыпь камней из короны, которую она надевала на свадьбу, раскиданные повсюду жемчужины и скрученное золото. На ней было серебро, кровь, потемневшая от времени кровь, потому что прошло уже несколько часов.

И вода в ее ванной была черной от крови.

Дневник остался незаконченным, и никто, кто заслуживал его прочтения, не смог его просмотреть.

Его прочла только Элара – и только она видела, как медленно ускользает женщина, которая его вела.

Она уничтожила книгу – как уничтожила Кориану.

Ей не снилось ничего.

В то время как в архивах и библиотеках в Дельфи, Норте

находится огромное количество информации о нашей недавней истории с точки зрения Серебряных, найти описание событий со стороны Красных гораздо сложнее. Естественно, при составлении подобных записей не применялся научный подход, а также они не хранились должным образом. Но я сделал все возможное, чтобы начать по крупицам собирать хоть какое-то описание событий с перспективы Красных. Источники из хранилищ горы Рог стали дополнением к моим исследованиям, но, хотя они и были полезны, этих записей тоже недостаточно. Наиболее моему исследованию поспособствовали мои контакты в Алой Гвардии. По мере возможностей они смогли предоставить мне нужные контакты. В отличие от Серебряных, многие Красные общины полагались на устную традицию, чтобы передавать свою историю. К сожалению, этот способ не всегда отличается надежностью, и я сделал все возможное, чтобы подтвердить эти доказательства другими, более конкретными историческими записями. Несмотря на трудности этого начинания, я нахожу более чем необходимым сделать все возможное, чтобы сохранить какой-то другой взгляд на нашу историю, чтобы мы не забыли, что было до нас и что происходило с Красными этого мира. Таким образом, я собрал доступную мне на данный момент информацию о Красных из источников, характерных для них, в сочетании с документами и стенограммами.

Хотя я, как и любой Серебряный, виновен в отвратитель-

ном обращении с Красными на протяжении всей моей жизни и не заслуживаю прощения, я надеюсь, что в будущем это исследование принесет какую-то пользу.

– ДД

(МИСТЕР ЭЛЛДОН переворачивает маленький, но блестящий РУБИН)

ЭЛЛДОН: Он хранится в моей семье почти триста лет. Мы служили королям, первым королям этой земли. Старым Калорам. Цезарю и его наследникам. Говорят, Цезарь был добр к своим слугам. А сет. Так что вот это оказалось у дедушки моего дедушки или какого-то другого моего предка. Раньше их было больше. Было целое ожерелье с рубинами. Но с годами они исчезли, их продали, обменяли или просто потеряли. Это все, что осталось.

ДЖЕЙКОС: Он украл его?

ЭЛЛДОН: Он его забрал. Прогулочный катер короля тонул. Король выкрикивал приказы и сталкивал Красных в воду, пытаясь спастись. Старому дедушке это не понравилось. И в суматохе он сорвал рубины прямо с шеи Цезариона и столкнул его в море.

ДЖЕЙКОС: Понятно.

ЭЛЛДОН: Король не был вашим родственником?

ДЖЕЙКОС: Скорее всего, был.

(Мистер Эллдон протягивает рубин.)

ЭЛЛДОН: Хотите забрать его себе?

ДЖЕЙКОС: Ни в коем случае.

Г-н Тем Элдон из Красного сектора Археона утверждает, что его предок был ответственен за смерть короля Цезариона, который утонул во время инцидента с лодкой в 44 году н. э.

удален с окраин Археона, чтобы освободить место для леса из деревьев-барьеров. По указу короля Тиберия Первого Красным была предоставлена возможность переехать в недавно построенную общину техов, Великий город. Им обещали полную занятость и освобождение от призыва на военную службу.

Большинство

ухвати

лось за

возможность

жить в

новом

городе

НОВЫЕ ДОМА ВОДОПРОВОД ЭЛЕКТРИЧЕСТВО РАЦИОНКИ

**ПЕРЕСЕЛЯЙТЕСЬ
СЕГОДНЯ**

**ВЕЛИКИЙ ГОРОД
НОВЫЙ ГОРОД
ВЕСЕЛЫЙ ГОРОД**

КОРОЛЕВСКИМ УКАЗОМ КОРОЛЯ ТИБЕРИЯ

**ВСЕ КРАСНЫЕ, которые переселяются
в технологические города, а также
члены их семей получают работу,
ЧЕСТНУЮ ОПЛАТУ ТРУДА, будут
ОСВОБОЖДЕНЫ от ВОИНСКОЙ
ПОВИННОСТИ.**

Оттачивайте мастерство, живите
достойно, служите королевству

СТАНУТ РАБАМИ

Центр находился под наблюдением Серебряных, но жили в нем Красные – либо те, кому благоволили надзиратели, либо те, кто подкупил их, чтобы занять менее изнурительное положение. Их ежедневные заметки хранились и игнорировались вместе с другой официальной документацией.

Из записей Административного центра Нового города:

1 июня 144 года н. э.: Все еще полно депортированных с севера. Укомплектовывать штат неподготовленными людьми скорее опасно, чем сложно. Вчера на заводе по производству снаряжения двое рабочих получили серьезные травмы, а еще один чуть не поджег склад в секторе вооружений. Мы послали запросы надзирателям, чтобы они одобрили ускоренное обучение для Красных из Девичьих водопадов, просто чтобы они не поубивали себя или других на производстве, но всем было отказано. Любое обучение должно проводиться в нерабочее время по нашему усмотрению. В настоящее время центр организует добровольцев, чтобы подготовить оставшихся в живых (около двухсот человек) к работе. Большинству из них еще нет восемнадцати, они разлучены со своими семьями, так как они слишком молоды, чтобы быть призванными вместе с остальными жителями их общин на севере. Все еще предпринимаются попытки улучшить жилищные условия, особенно для маленьких детей.

Вышесказанное соответствует репрессиям Юлия Третьего, введенным против жителей Красных общин в окрестностях Девичьих водопадов после гибели его сына от рук Красных бандитов. Он заставил их уничтожить свои деревни и построить на границе город-крепость Корвиум. В наказание тысячи Красных были либо призваны в армию Норты, либо депортированы в трущобы техов.

Из записей Красной стражи в Причальной гавани:

...что можем, чтобы спрятать наших людей на территории города, теперь, когда Серебряные вышли на охоту. Они не знают, кто убил брата королевы, известно только, что это был Красный из Верности. Насколько нам известно, на всех, кто состоит в Верности, идет облава. Одним из них завладел шепот – и расколол бедолагу. Выведал местоположения всех убежищ и пути эвакуации. Вырвал их, как больной зуб. Мы пытаемся сотрудничать или, по крайней мере, делаем вид, что сотрудничаем. Заботимся о собственной безопасности. Мы мало что можем сделать для Верности. Они это не предусмотрели, совсем не предусмотрели, а страдать из-за этого будем мы...

Рассказ офицера Красной стражи относится к убийству брата и наследника королевы Андуры, принца Марка, в 197 году н. э. Он был убит во время восстания Красных в При-

чальной гавани. Я предполагаю, что упомянутая выше “Верность” была предшественницей Алой гвардии.

Усилилось движение из Озёрного края вдоль реки. Похоже, это Красные солдаты. Странно, что они не направляются на юг, а поворачивают на восток и на Развилке направляют-ся вверх по реке. Все платят вперед и отдают полную сумму. В этом году я дважды перевозил одну и ту же группу. Другие паромщики говорят, что они делали то же самое. У меня странное предчувствие насчет этой кампании. Они не убегают, это точно. И действуют не по приказам Серебряных. Они слишком хорошо платят за нашу осмотрительность.

Красные солдаты попросили, чтобы я перевез их на другую сторону прямо сейчас – и быстро, – и дали мне столько денег, что этой суммы хватило бы на две такие лодки, как моя. Еще раз они заплатили на границе. Я не смог устоять. Отвез их вверх по Огайюсу, вдоль границы с Нортой. Опасная дорога. Больше не буду так рисковать. Я так и не узнал их имен, но, судя по их снаряжению, они направляются на север. Далеко-далеко на север.

Контрабандисты из Озёрного края предупредили паромщиков на Развилке. Серебряные будут жестко пресекать пограничные проверки и получили приказ уничтожать наши лодки, если мы высадимся на их берегах. В Озёрах возникли кое-какие проблемы с Красными. Достаточно серьезные, чтобы они начали следить за границей. Они охотятся.

ПОЛ. ФАРЛИ: Мы начинали осторожно. Так, чтобы нас не заметили. Движение транспорта и конвоев останавливается на несколько дней из-за обрушения моста. Цитадель не получает в срок партию оружия. Сорван марш войск. Чтобы не отставать от графика, им приходится работать в два раза больше. Офицеры расстроены, вымотаны. Кто-то из них оступается, падает – и вот он разmozжил себе голову о камни. Дети приезжают в гости к одному из офицеров – и в итоге теряются в лесу. Что-то в этом роде.

ДЖЕЙКОС: Что-то в этом роде.

ПОЛ. ФАРЛИ: Ты что-то позеленел, Джейкос. Я думал, ты это изучал. Думал, ты видал вещи и похуже.

ДЖЕЙКОС: На бумаге это воспринимается совсем не так, как рассказ из первых уст, сэр. Так говорите, это началось в армии?

ПОЛ. ФАРЛИ: Совершенно верно. Мое подразделение не было приписано к Цитадели или конкретному легиону. Мы были, так сказать, птицами свободного полета. Мы хорошо воевали, хорошо убивали. Серебряные посылали нас туда, где мы были нужны. На фронт – или куда-нибудь еще.

ДЖЕЙКОС: В пределах Озёрного края?

ПОЛ. ФАРЛИ: В основном на границе, но да. Нас рассылали повсюду.

ДЖЕЙКОС: Полагаю, теперь позеленели вы, полковник.

ПОЛ. ФАРЛИ: В конце концов, это и стало причиной.

Нас отправили убивать своих. Заставляли любыми возможными способами останавливать беспорядки. Отрывать матерей от детей, когда их забирали на военную службу. Нас это не устраивало.

ДЖЕЙКОС: Я представляю.

ПОЛ. ФАРЛИ: У нас был Серебряный офицер, который держал нас в узде, но он любил выпить. Любил поесть. Любил общаться с высшими чинами в Цитаделях. И пока мы делали то, что нам приказывали, ему было плевать, чем мы занимались в свободное время.

ДЖЕЙКОС: Взрывали мосты и убивали офицеров.

ПОЛ. ФАРЛИ: Верно. Мы старались, чтобы об этом знало мало людей. Все мы были из Хада, с севера, холодного и бесплодного места. Там ты учишься охотиться тогда же, когда и учишься ходить. Страж была со мной с самого начала, и Багровый тоже. Он был нашим лучшим связным с речниками.

ДЖЕЙКОС: Речниками?

ПОЛ. ФАРЛИ: Так мы называем перевозчиков и контрабандистов Спорной территории. Никто лучше них не сможет переправить тебя через границу или провезти по реке. Брать оружие в дорогу нам было нельзя, но при необходимости они снабжали нас боеприпасами.

ДЖЕЙКОС: Итак, генералы-командующие с кодовыми именами Страж и Багровый были частью вашего подразделения. Как вы познакомились с остальными?

ПОЛ. ФАРЛИ: Пересекались с ними на протяжении мно-

гих лет. Большинство из них делали то же самое, что и мы. Устраивали Серебряным диверсии, не строили планы дальше пары недель вперед. Но именно Дворец и Лебедь действительно объединили нас, дали нам цель. Они знали Серебряных лучше нас. Знали, как они думают, как действуют. И знали, что, если мы действительно хотим что-то изменить, самим нам не справиться.

ДЖЕЙКОС: И это, безусловно, так. Не хотели бы вы рассказать об инциденте в Хаде? Его называют Затоплением Северных земель.

(Полковник Фарли долго смотрит в одной точку)

ПОЛ. ФАРЛИ: Нет, черт побери, не хотел бы.

Поскольку Спорная территория придерживается летоисчисления, отличного от принятого в Норте, а речные паромщики вряд ли являются учеными, я могу датировать его данные приблизительно после 300 г. н. э. Основываясь на моем разговоре с полковником Фарли, я подозреваю, что в число Красных солдат, перемещавшихся вдоль границы, входили он сам, генерал Страж, генерал Багровый – и те, кто позже стали первыми членами Алой гвардии.

ДЖЕЙКОС: Какое кодовое имя у вас было в Алой гвардии до Охотницы?

ГЕН. ФАРЛИ: Я была Ягненком. А мой отец – Овном.

ДЖЕЙКОС: Вы присоединились в совсем молодом воз-

расте.

ГЕН. ФАРЛИ: Да.

ДЖЕЙКОС: И вы помогали своему отцу выполнять миссии по всему Озёрному краю. Внедряли оперативников на ключевые посты, саботировали торговлю и транспортные поставки Серебряных, занимались контрабандой, сбором разведанных, убийствами и так далее.

ГЕН. ФАРЛИ: Да, и эти миссии выполняла тоже.

ДЖЕЙКОС: Конечно. И вас отобрали для проникновения в Норту.

ГЕН. ФАРЛИ: Да.

ДЖЕЙКОС: Сколько вам было лет, когда погибли ваши мать и сестра?

(Генерал Фарли не отвечает.)

ДЖЕЙКОС: Не хотели бы вы рассказать об инциденте в Хаде?

ГЕН. ФАРЛИ: Нет, черт побери, не хотела бы.

ИЗ ВОЕННЫХ АРХИВОВ ГОРЫ РОГ И ОБОРОННОГО ЦЕНТРА МОНФОРА:

Наши шпионы в Озёрном краю сообщили о крупном событии на севере, на берегах залива Хад. Согласно данным нашей разведки, след нескольких нападений и актов саботажа был отследен до небольшой группы, базирующейся в одной из отдаленных деревень. Король Озёрного края нанес ответный удар и сдвинул воды залива, чтобы в буквальном

смысле погасить первые огоньки разгорающегося восстания. Мы все еще ждем подсчета жертв, но, по предварительным данным, их сотни. Я отправил запрос на отправку оперативника для надлежащего расследования и отчета. Больше всего меня интересует эта так называемая группа, ее организация и размер. Они, кажется, хорошо скоординированы и способны передвигаться. Не говоря уже о том, что они умны. Несколько человек были схвачены, но допросы ни к чему не привели. Похоже, они действуют на основе принципа минимальной осведомленности. Очень по-военному. Никто не владеет всей информацией. Посмотрим, как они отреагируют.

Затопление Северных земель, скорее всего, произошло ранней весной, 315 г. н. э.

Джейкос: Насколько я понимаю, вы сыграли немалую роль в недавних событиях, особенно в тех, которые были связаны с Мэрой Бэрроу.

Мистер Свисток: Я ничего особенного не делал. Она – хорошая воровка. Обычно я продавал то, что она приносила, и брал небольшую часть за свои заботы.

Джейкос: Вы также представили ее генералу Диане Фарли и Алой гвардии.

(Мистер Свисток прищуривает глаза и пожимает плечами.)

Джейкос: Можете рассказать мне столько, сколько захотите. Моя цель состоит только в том, чтобы посмотреть на ситуацию со всех сторон.

Свисток: Вы же знаете, что Свисток – не моя настоящая фамилия, да? Это кодовое имя. Не только у членов Гвардии есть кодовые имена.

Джейкос: Я понимаю.

Свисток: Это часть более масштабной операции. Сеть Свистков. Перекупщиков и контрабандистов, поддерживающих связь друг с другом. И она раскинулась по всей стране. Кто-то на юге может перевозить сахар, на севере у нас есть батарейки и так далее. Необходимо, знаете ли, когда всем заправляют такие, как вы. Как нам было по-другому выживать в трещинах?

Джейкос: Конечно, я с вами согласен. И Алая гвардия проникла в сеть Свистков на ранней стадии, не так ли?

Свисток: Проникла? Нет, они сотрудничали с нами. Мы помогали им передвигаться, перевозили информацию, контрабандные товары и людей. Но мы отвечали за себя сами. Никто не брался за работу, которую не хотел делать. Таково было соглашение, и Гвардия его придерживалась.

Джейкос: Как долго вы работали с Гвардией?

Свисток: О, я? Недолго. Полагаю, меньше двух лет. Она довольно быстро двигается, эта Гвардия. Как только начинает двигаться.

Джейкос: А до Гвардии? Как вы жили тогда? Думаю, вы

многое повидали.

Свисток: Это вы так хотите сказать, что я выгляжу старым?

(Мистер Свисток смеется.)

Свисток: Да, я многое повидал. Хорошее, плохое. Подпоры – далеко не самое плохое место для жизни. Мы не город техов, и, к счастью, мне никогда не приходилось бывать ни в одном из них. Но вам все равно придется смотреть, как детей против воли уводят из их домов. Как приходят письма и как родители падают на колени. Мне повезло. У меня нет детей. Нет семьи. И у меня было хорошее прикрытие. Я подметал улицы, чтобы быть занятым в глазах любого Серебряного, которому вздумалось бы обратить на меня внимание. По крайней мере, больше в этом нет нужды. Им больше не нужно переживать из-за призыва, даже если они думают, как бы раздобыть еду, или беспокоятся, что через их город может снова пронестись еще один озлобленный Серебряный. Не то чтобы я жалею. До Гвардии, до войны все было еще хуже. Мы и не думали, что ситуация может улучшиться. Не надеялись на это. Мы знали, что случилось с Красными, которые восстали. Знали о восстаниях, которые были подавлены. Слышали об активистах, которые были убиты за речь или секретное письмо. Пытаться изменить мир было бессмысленно. Он был слишком большим, слишком сильным. А Серебряные всегда были лучше нас. Но теперь это не так.

Джейкос: Теперь – нет.

Свисток: Восстаньте, алые, как рассвет.

Стальные шрамы

ДАННОЕ СООБЩЕНИЕ БЫЛО РАССЕКРЕЧЕНО КОНФИДЕНЦИАЛЬНО, ТОЛЬКО ДЛЯ ВЫСШЕГО КОМАНДНОГО СОСТАВА

Операция ОЗЁРНАЯ, этап 3, день 61.

Оперативник: Полковник ОТРЕДАКТИРОВАНО.

Кодовое имя: ОВЕН.

Отправлено: Солмари, ОК.

Получатель: КОМАНДОВАНИЕ, ОТРЕДАКТИРОВАНО.

– Операция ОЗЁРНАЯ завершена досрочно, выполнена успешно. Каналы и шлюзы озёр ПЕРИУС, МИЗКИН и НЕРОН находятся под контролем Алой гвардии.

– Оперативники ВИППЕР и ОПТИК будут контролировать продвижение ОЗЁРНОЙ, поддерживать тесный контакт, открывать каналы связи с МОБИЛЬНОЙ БАЗОЙ и КОМАНДОВАНИЕМ. Протокол ожидания и донесения, ждут приказов.

– В настоящее время возвращаюсь в ТРАЙАЛ с ЯГНЕНКОМ.

– Обзор операции ОЗЁРНАЯ:

Убиты в бою: Д. ФЕРРОН, Т. МИЛЛС, М. ПЕРШЕР (3).

Ранены: ЖИВЧИК, РЫБЬЯ КОСТЬ (2).

Жертвы (Серебряные) (3): зеленый (1), сильнорук (1), целитель кожи? (1)

Жертвы (гражданское население): Неизвестно.

ВОССТАНЬТЕ, АЛЫЕ, КАК РАССВЕТ.

– Впереди бури.

Полковник говорит, просто чтобы заполнить тишину. Его единственный здоровый глаз прижимается к щели в стене отсека, фиксируясь на горизонте. Другой глаз пристально смотрит, хотя едва может видеть сквозь пленку алой крови. Ничего нового. Его левый глаз такой уже много лет.

Я слежу за направлением его взгляда, вглядываясь сквозь щели в дребезжащем дереве. Темные тучи собираются в нескольких милях отсюда, пытаюсь спрятаться за лесистыми холмами. Вдалеке слышны раскаты грома. Я не обращаю на это внимания. Я только надеюсь, что бури не замедлят ход поезда и мы не проведем под фальшивым полом грузового вагона ни секундой дольше необходимого.

У нас нет времени на бури или бессмысленные разговоры. Я не спала два дня, и это видно невооруженным взглядом. Больше всего на свете мне хочется побыть в тишине и хотя бы несколько часов отдохнуть перед возвращением на базу в Триал. К счастью, здесь особо нечего делать. Здесь слишком низко, а я слишком высокая для подобного помещения

и могу тут только лежать. Как и полковник. Нам обоим пришлось растянуться на полу, как можно ближе прижавшись к тусклой перегородке. Скоро наступит ночь, и компанию нам составит только темнота.

На транспорт грех жаловаться. По дороге в Солмари мы провели половину пути на барже, перевозившей фрукты. Она заглохла на озере Нерон, и большая часть груза сгнила. Первую неделю операции я провела, выстирывая свою одежду, чтобы она не воняла. И я никогда не забуду, какой бардак был перед началом «Озёрной» в Детраоне. Провести три дня в вагоне для скота только для того, чтобы обнаружить, что попасть в столицу совершенно невозможно. Потому что она находится слишком близко к Чоку и ее очень хорошо охраняют – правда, которую я по собственной воле проигнорировала. Но тогда я не была офицером, и не я приняла решение попытаться проникнуть в столицу Серебряных без должной разведки или поддержки. Это сделал полковник. Тогда он был всего лишь капитаном с кодовым именем Овен. Ему слишком много нужно было доказать, слишком за многое бороться. Я только плелась вслед за ним, представляя из себя чуть больше, чем только присягнувшего солдата. Мне тоже было что доказывать.

Полковник прищуривается, но не сводит глаз с пейзажа. Не для того, чтобы смотреть наружу, а чтобы не смотреть на меня.

«Ну и ладно».

Мне тоже не нравится на него смотреть.

Неважно, насколько плохие у нас отношения, – мы хорошая команда. Командование это знает, мы это знаем, и именно поэтому нас продолжают отправлять на задания вместе. Детраон был нашей единственной ошибкой в бесконечном марше за правое дело. И ради него, ради Алой гвардии мы каждый раз забываем про наши разногласия.

– Есть идеи, куда двигаться дальше?

Как и полковник, я не выношу тяжелого молчания.

Он отходит от стены, хмурится, все еще не глядя в мою сторону.

– Ты же знаешь, что это не так работает.

Я офицер уже два года, еще два до этого была солдатом, который принес присягу Алой гвардии, – а до этого всю жизнь провела в ее тени.

«Конечно, я знаю, как это работает», – хочется прошептать мне.

Никто из нас не знает больше, чем должен знать. Люди знают только, какую операцию они выполняют, кто состоит в их отряде и кто их непосредственный начальник. Информация может быть опаснее любого оружия, которое у нас есть. Мы рано усвоили этот урок, для этого понадобилось несколько десятилетий неудачных восстаний – и все они были подавлены из-за одного-единственного Красного, оказавшегося в руках Серебряного шепота. Даже самый хорошо обученный солдат не сможет отбить атаку на его разум. Все

всегда всплывает наружу, все секреты всегда раскрываются. Так что мои оперативники и солдаты держат ответ передо мной, их капитаном. Я подчиняюсь полковнику, а он – Командованию, кем бы они ни были. Мы знаем только то, что мы должны знать, чтобы двигаться вперед. И это единственная причина, по которой Гвардия смогла продержаться так долго и продолжила работу, когда все остальные подпольные организации прекращали свое существование.

Но ни одна система не является совершенной.

– То, что вы не получали новых приказов, не означает, что у вас нет мыслей о том, какими они могут быть, – говорю я.

На его щеке дергается мускул. Улыбнуться он хочет или нахмуриться – не знаю. Полковник не улыбается по-настоящему. Уже очень много лет.

– У меня есть кое-какие подозрения, – отвечает он после долгой паузы.

– И...

– И они останутся при мне.

Я шиплю сквозь зубы.

«Как обычно».

И, это вероятно, к лучшему – я не обманываю себя. Несколько раз я в самый последний момент скрывалась от охотничьих псов Серебряных – и этого мне хватило, чтобы понять, насколько важна принятая в Гвардии скрытность. Одной только мне известно столько информации – имена, даты, детали операций – что можно уничтожить результаты

целых двух лет работы в Озёрном краю.

– Капитан Фарли.

Мы не используем наши звания или имена в официальной переписке. Согласно всем источникам, которые можно перехватить, я – Ягненок. Это тоже важно для нашей защиты. Если какое-то из наших сообщений попадет не в те руки, если Серебряные взломают наши шифры, им будет трудно выследить нас и распутать нашу обширную, запутанную сеть.

– Полковник, – отвечаю я, и он наконец смотрит на меня.

Я вижу сожаление в его единственном здоровом глазу, оставшимся знакомого оттенка синего. Все остальное за эти годы изменилось. Он заметно посуровел, его жилистое тело свернулось как змея, скрытое поношенной одеждой. Его светлые волосы, светлее моих, начали редеть. На висках начинается проступать седина. Поверить не могу, что не замечала этого раньше. Он стареет. Но его реакция остается такой же быстрой, а ум – все таким же острым. Полковник так же проницателен и опасен, как всегда.

Я все еще нахожусь под его тихим, быстрым наблюдением. Он как будто меня проверяет. И когда он открывает рот, я знаю, что прошла проверку.

– Что ты знаешь о Норте?

Я резко ухмыляюсь.

– Так они наконец-то решили расширяться.

– Отвечай на вопрос, Ягненочек.

Это обращение – просто смешно. Во мне почти шесть фу-

тов роста.

– Еще одно королевство, как Озёрный край, – резко отвечаю я. – Красные должны работать или идти на военную службу. Сосредоточены на побережье, столица – Археон. Почти столетие воюют с Озёрным краем. В союзе с Пьемонтом. Король – Тиберий... Тиберий...

– Шестой, – заканчивает полковник. Ругается как школьный учитель – не то чтобы я много времени проводила в школе. И в этом виноват он сам. – Из Дома Калор.

«Глупо. У них даже не хватает мозгов придумать своим детям разные имена».

– Поджигатели, – добавляю я. – Претендуют на так называемую Пылающую Корону. Достойная противоположность королям-нимфам Озёрного края.

Короли, которых я знаю даже слишком хорошо, потому всю жизнь прожила под их властью. Они так же бескрайни и непреклонны, как воды их королевства.

– Именно. Противоположны по природе, но в то же время ужасно похожи.

– Тогда туда должно быть так же легко внедриться.

Он поднимает бровь и обводит рукой тесную комнатку, в которой мы находимся. Он выглядит почти удивленным.

– Хочешь сказать, вот это легко?

– Сегодня в меня не стреляли, так что да, хочу, – отвечаю я. – Кроме того, Норта же размером с половину Озёрного края?

– С сопоставимой численностью населения. Плотно заселенные города, более развитая инфраструктура...

– Тем лучше для нас. В толпе легко спрятаться.

Он раздраженно стискивает зубы.

– У тебя на все есть ответ?

– Я хорошо делаю свое дело.

Снаружи снова гремит гром, ближе, чем раньше.

– Итак, потом мы направляемся в Норту. И будем делать там то, что сделали здесь, – давлЮ я.

Мое тело гудит от предвкушения. Я так долго этого ждала. Озёрный край – всего лишь одна спица колеса, одна страна на континенте из многих. Восстание, сдерживаемое его границами, в конечном счете потерпело бы неудачу, подавленное другими народами континента. Но нечто большее, волна, которая захлестнула бы два королевства, еще один фундамент, который взорвется под проклятыми ногами Серебряных – у этого есть хоть какой-то шанс. А шанс – это все, что мне нужно, чтобы сделать то, что я должна.

Еще никогда вес нелегального пистолета не казался мне таким успокаивающим.

– Не забывай, капитан, – теперь он не отводит от меня пристального взгляда. Хотелось бы мне, чтобы он этого не делал. «Он так похож на нее», – какие у нас навыки. С чего мы начинали, откуда пришли.

Без предупреждения я ударяю каблуком по доскам под нами. Он не вздрагивает. Мой гнев не является для него чем-

то неожиданным.

– Как же я могла забыть, – усмехаюсь я. Я сопротивляюсь желанию потянуть за длинную светлую косу, перекинутую через плечо. – Я вспоминаю об этом каждый день – когда вижу свое отражение в зеркале.

Я никогда не выигрываю в спорах с полковником. Но это, по крайней мере, похоже на ничью.

Он отворачивается и снова переводит взгляд на стену. Через щели пробиваются последние лучи уходящего солнца, и его раненый глаз светится красным в угасающем свете.

Полковник тяжело вздыхает.

– Я тоже – когда вижу свое.

ДАННОЕ СООБЩЕНИЕ БЫЛО РАССЕКРЕЧЕНО КОНФИДЕНЦИАЛЬНО, ТОЛЬКО ДЛЯ ВЫСШЕГО КОМАНДНОГО СОСТАВА

Оперативник: Полковник ОТРЕДАКТИРОВАНО.

Кодовое имя: ОВЕН.

Отправлено: Триал, ОК.

Получатель: КОМАНДОВАНИЕ, ОТРЕДАКТИРОВАНО.

– Вернулся в ТРАЙАЛ с ЯГНЕНКОМ.

– Сообщения о контратаке Серебряных ОК в АДЕЛЕ подтверждаю.

- Запрашиваю разрешение отправить ХОЛИДЕЙ и ее команду для наблюдения/ответных мер.
- Запрашиваю разрешение начать оценку эффективности контакта в НРТ.

ВОССТАНЬТЕ, АЛЫЕ, КАК РАССВЕТ.

ДАННОЕ СООБЩЕНИЕ БЫЛО РАССЕКРЕЧЕНО КОНФИДЕНЦИАЛЬНО, ТОЛЬКО ДЛЯ ВЫСШЕГО КОМАНДНОГО СОСТАВА

Оперативник: Генерал ОТРЕДАКТИРОВАНО.

Кодовое имя: БАРАБАНЩИК.

Отправлено: ОТРЕДАКТИРОВАНО.

Получатель: ОВЕН, Триал, ОК.

- Разрешение на отправку ХОЛИДЕЙ предоставлено. Только наблюдать, операция УХО ВОСТРО.
- Разрешение на оценку эффективности контакта в НРТ предоставлено.
- ЯГНЕНОК возглавит операцию КРАСНАЯ ПАУТИНА, установит контакт с контрабандистами и подпольной сетью в НРТ. Особое внимание обратить на черный рынок СВИСТКОВ. Приказы прилагаются, разглашение запрещено. Должна выдвинуться в НРТ в течение недели.
- ОВЕН возглавит операцию ЗАЩИТНАЯ СТЕНА. При-

казы прилагаются, разглашение запрещено. Должен выдвигаться в Ронто в течение недели.

ВОССТАНЬТЕ, АЛЫЕ, КАК РАССВЕТ.

Триал – единственный крупный город на границе Озёрного края. Его замысловатые резные стены и башни выходят на озеро Красная кость – и оттуда открывается хорошее обозрение на окраины Норты. Под озером захоронен затопленный город, разграбленный нимфами-ныряльщиками. Рабовладельцы Озёрного края построили на его берегах Триал, в насмешку над затонувшими руинами и дикой природой Норты.

Раньше я часто задавалась вопросом, что за идиоты ведут эту войну Серебряных, если они настаивают на том, чтобы поля сражений оставались на богом забытом Чоке. Северная граница длинная и извилистая, проходит вдоль реки, по обе стороны в основном покрыта лесом. Ее всегда защищают, но в атаки никогда не идут. Конечно, зимой это жестокий край, покрытый снегом, где царит холод, но что насчет поздней весны и лета? Что – *сейчас*? Если бы Норта и Озёрный край не воевали уже на протяжении столетия, я бы ожидала нападения в любой момент. Но ничего не происходит – и никогда не произойдет.

Потому что эта война – не война вовсе.

А уничтожение.

Тысячи Красных солдат год за годом попадают в армию, сражаются и умирают. Им говорят сражаться за своих королей, защищать свою страну, свои семьи, которые, несомненно, были бы захвачены и свергнуты, если бы не их вынужденная храбрость. А Серебряные сидят сложа руки, передвигая свои игрушечные легионы туда-сюда, обмениваясь ударами, которые, кажется, никогда ни на что не влияют. Красные слишком ничтожны, слишком ограничены, слишком необразованны, чтобы это заметить. Это отвратительно.

Только одна из тысячи причин, по которым я верю в наше дело и в Алую гвардию. Но вера не позволяет легко принять пулю. Не то что в прошлый раз, когда я вернулся в Ирабель, истекая кровью из живота, не в состоянии ходить без помощи проклятого полковника. По крайней мере, тогда у меня была неделя, чтобы отдохнуть и подлечиться. Теперь я сомневаюсь, что пробуду здесь дольше, чем несколько дней, прежде чем нас отправят обратно.

Ирабелла – единственная пристойная база Гвардии в регионе, по крайней мере насколько мне известно. Убежища разбросаны вдоль реки и в лесу, но Ирабелла, безусловно, является сердцем нашей организации. Она частично находилась под землей и ее совершенно не замечали. Большинство из нас при необходимости могло назвать Ирабеллу домом. Но у большей части членов Гвардии нет настоящего дома, о котором можно было бы говорить. Только Гвардия и Красные рядом с нами.

Сооружение было намного больше, чем нам нужно. Чужак или захватчик быстро здесь заблудится. Те, кто хочет побыть в тишине, могут с легкостью воплотить свое намерение. Не говоря уже о том, что большинство входов и залов оборудованы шлюзами. Один приказ полковника – и все это место уйдет под воду, утонет, как до этого ушел под воду старый мир. Из-за этого летом здесь влажно и прохладно, а зимой холодно и стены покрыты льдом. Независимо от времени года, я люблю гулять по туннелям, совершая одинокий патруль по тусклым бетонным проходам, о которых помню только я. После миссии в поезде, когда приходилось избегать обвиняющего багрового взгляда полковника, прохладный воздух и открытые проходы дарят мне что-то, похожее на ощущение свободы. Наверное, большего я никогда не узнаю.

Я лениво кручу пистолет на пальце, стараясь поддерживать его в равновесии. Я хорошо умею это делать. Он не заряжен – я же не дура. Но чувствовать вес смертельного оружия все равно приятно.

«Норта, – думаю я, продолжая крутить пистолет. – Законы об оружии там строже, чем в Озёрном крае. Носить оружие могут только охотники, у которых есть лицензия. А таких очень мало».

Просто еще одно препятствие, которое мне страшно хочется преодолеть. Я никогда не была в Норте, но, думаю, она ничем не отличается от Озёрного края. Такая же Серебряная, такая же опасная, такая же *непросвещенная*. Страна с

тысячей палачей и миллионами казненных.

Я давно уже перестала задаваться вопросом, *почему* это продолжается. Меня воспитывали не для того, чтобы я смирилась с тем, что сижу в клетке, как это сделали многие. То, что для меня – капитуляция, которая сводит с ума, для многих людей является единственным способом выжить. Полагаю, мне следует поблагодарить полковника за мою упрямую веру в свободу. Он никогда не позволял мне думать иначе. Он никогда не позволял мне принимать то, откуда мы. Не то чтобы я когда-нибудь скажу ему это. Своими действиями он лишил себя всякого права на мою благодарность.

Но и я тоже. Думаю, это справедливо. А разве я не верю в справедливость?

Я слышу шаги и поворачиваю голову, прижимая пистолет к себе в попытке его спрятать. Коллега-гвардеец не стал бы возражать против оружия, но Серебряный офицер, безусловно, возражал бы. Не то чтобы я ожидала, что кто-нибудь найдет нас здесь, внизу. Этого никогда не бывает.

Инди даже не пытается поздороваться. Она останавливается в нескольких футах от меня, и даже при скудном освещении туннеля я могу разглядеть татуировки на ее загорелой коже. С одной стороны, от запястья до макушки ее бритой головы, поднимаются шипы, по второй ее руке спускаются розы. Ее кодовое имя Холидей, но Сад был бы подошло куда больше. Она тоже капитан – и тоже подчиняется полковнику. Всего под его командованием десять человек, каждый с

большим отрядом присягнувших солдат, присягнувших своим капитанам.

– Полковник ждет тебя у себя в кабинете. Новые приказы, – говорит она. Затем она понижает голос, хотя так глубоко в Ирабелли нас никто не услышит. – Он недоволен.

Я ухмыляюсь и протискиваюсь мимо нее. Она ниже меня ростом, как и большинство людей, и ей приходится приложить усилия, чтобы не отставать.

– Разве он когда-нибудь бывает доволен?

– Ты понимаешь, о чем я. Это совсем другое.

Ее темные глаза вспыхивают, и я вижу в них страх. Это случается редко. В последний раз я видела ее в лазарете, когда она стояла над телом другого капитана. Саралин, Милосердие, которая потеряла почку в результате обычного рейда с оружием. Она все еще выздоравливает, но хирурга, который ее оперировал, можно назвать в лучшем случае ненадежным.

«Это не твоя вина. Не твоя работа», – напоминаю я себе.

Я сделала все, что могла. Не в первый раз мне пришлось иметь дело с кровью, и я была лучшим медиком, который на тот момент был у нас в распоряжении. Тем не менее, это был первый раз, когда я держала в руке человеческий орган.

«По крайней мере, она жива».

– Она ходит, – говорит Инди, видя на моем лице печать чувства вины. – Медленно, но ходит.

– Это хорошо, – говорю я, забывая добавить, что она должна была встать на ноги несколько недель назад.

«Это не твоя вина», – снова раздается эхо в голове.

Когда мы возвращаемся в центральный узел, Инди оста-навливается и направляется в лазарет. Она не отходила от Саралины ни на шаг, исключением были только задания и, по-видимому, поручения полковника. Они вступили в Гвар-дию одновременно и были близки как сестры. А потом, со-вершенно очевидно, как *несестры*. Никто не был против. В организации нет правил, запрещающих сексуальные связи между гвардейцами, пока работа выполнена и все возвраща-ются живыми. До сих пор никто в Ирабелли не был настоль-ко глуп или сентиментален, чтобы позволить такой мелочи, как чувства, поставить наше дело под угрозу.

Я оставляю Инди наедине с ее тревогами и иду в проти-воположном направлении, туда, где, как я знаю, меня ждет полковник.

Из его кабинета получилась бы чудесная гробница. Ника-ких окон, бетонные стены и лампа, которая, кажется, всегда гаснет в самый неподходящий момент. В Ирабелли есть го-раздо лучшие места для ведения дел, но полковнику нравит-ся тишина и закрытое пространство. Он довольно высокий, и низкий потолок делает его похожим на великана. Навер-ное, поэтому ему так нравится эта комната.

Когда он встает, чтобы поприветствовать меня, он задева-ет макушкой потолок.

– Новые приказы? – спрашиваю я, уже зная ответ на свой вопрос. Мы здесь уже два дня. Я знаю, что лучше не ожидать какого-либо отпуска, даже после грандиозного успеха операции «Озёрная». Центральные проходы трех озер, каждое из которых является ключом к Озёрному краю, теперь принадлежат нам, и никто об этом не знает. Для какой высшей цели, я не знаю. Об этом должно беспокоиться Командование, а не я.

Полковник пододвигает ко мне через стол сложенную бумагу. Ее края были запечатаны. Мне приходится открыть ее. «Странно».

Раньше я никогда не получала запечатанных приказов.

Мои глаза сканируют страницу, расширяясь с каждым проходящим словом. Приказы Командования. Прямо сверху, минуя полковника, прямо ко мне.

– Это...

Он поднимает руку, останавливая меня.

– Командование говорит, что разглашение запрещено, – он говорит сдержанно, но я все равно слышу в его словах гнев. – Это твоя операция.

Мне приходится сжать руку в кулак, чтобы сохранить спокойствие.

«Моя собственная операция».

Сердце как бешеное колотится у меня в груди, кровь стучит у меня в ушах. Чтобы не улыбнуться, мне приходится сильно стиснуть зубы. Я снова смотрю на приказы, чтобы

убедиться, что они настоящие. Операция «Красная паутина».

Через мгновение я понимаю, что чего-то не хватает.

– О вас тут ничего не сказано, сэр.

Он приподнимает бровь своего больного глаза.

– А ты думаешь, должно? Я тебе не *нянька*, капитан.

Он ощетиливается. Маска контроля грозит соскользнуть, и он возится с и так девственно чистым столом, стряхивая с него несуществующие пылинки.

Я отмахиваюсь от оскорбления.

– Очень хорошо. Полагаю, вы получили свои собственные приказы.

– Да, – быстро отвечает он.

– Тогда нам стоит это отпраздновать.

Полковник с трудом сдерживает усмешку.

– Хочешь отпраздновать то, что стала девушкой с плаката? Или то, что тебе поручили самоубийственную миссию?

Теперь я действительно улыбаюсь.

– А я смотрю на это по-другому. – Я медленно складываю приказы и убираю их в карман. – Сегодня вечером я выпью за свое первое самостоятельное задание. А завтра отправляюсь в Норту.

– Разглашение запрещено, капитан.

Дойдя до двери, я оглядываюсь и бросаю на него сердитый взгляд.

– Как будто вы не знали.

Его молчание – достаточно красноречивое признание.

– Кроме того, я все равно буду отчитываться перед вами, так что вы можете передавать мои отчеты Командованию. – Я не могу удержаться и не подразнить его. Он заслужил это, когда сказал про няньку. – Как это называется? Ах, да. Посредник.

– Осторожно, капитан.

Я киваю, улыбаюсь и рывком открываю дверь кабинета.

– Я всегда осторожна, сэр.

К счастью, он не позволяет затянуться еще одной неловой паузе.

– Ваша съемочная группа ждет вас в вашей казарме. По-торопитесь.

– Очень надеюсь, что готова к съемкам, – я фальшиво хихикаю, притворяясь, что прихорашиваюсь.

Он машет рукой, официально отпуская меня. Я с удовольствием выхожу из кабинета и с энтузиазмом петляю по залам Ирабелли.

К моему удивлению, я быстро успокаиваюсь. Я побежала к казармам, намереваясь выследить своих подчиненных и сообщить им хорошие новости. Но вскоре мой темп замедляется и восторг уступает место нежеланию. И страху.

Есть причина, по которой нас называют Овном и Ягненком, помимо очевидной. Меня никогда никуда не посылали без сопровождения полковника. Он всегда был рядом, защитник, о котором я никогда не мечтала, но с которым ста-

ла слишком хорошо знакома. Он бессчетное количество раз спасал мне жизнь. И именно из-за него я здесь, а не в замерзшей деревне, не отмораживаю себе зимой пальцы и не теряю друзей каждый раз, когда проводят очередной призыв. Мы не часто сходимся во взглядах, но всегда делаем свою работу и всегда остаемся в живых. Мы преуспеваем там, где другие – нет. Мы выживаем. Теперь я должна сделать то же самое в одиночку. Теперь я должна защищать других, взваливая их жизни – и смерти – на свои плечи.

Я иду медленнее, выигрывая для себя еще несколько мгновений, чтобы собраться с мыслями. Прохладные тени успокаивают, манят. Я прижимаюсь к скользкой бетонной стене, позволяя холоду пробрать меня до костей.

«Когда я соберу свою команду, я должна держаться как полковник. Я их капитан, их командир, и я должна вести себя безупречно. У меня нет права на ошибку, нет права на колебания. Нужно двигаться вперед – любой ценой. Восстаньте, алые, как рассвет».

Полковник, может быть, и не очень хороший человек, но он превосходный лидер. Этого всегда было достаточно. И теперь я сделаю все возможное, чтобы быть такой же.

Я обдумываю свой план. Остальные переживут, если еще несколько минут посидят без дела.

Я вхожу в свою казарму с высоко поднятой головой. Не знаю, почему меня выбрали для этого задания, почему Командование хочет, чтобы именно я была нашим глашатаем.

Но я уверена, что на то есть веская причина. Молодая женщина с флагом в руках – довольно яркая фигура, но также и загадочная. Серебряные могут отправлять на смерть на поле битвы и мужчин, и женщин, но группу повстанцев, возглавляемую женщиной, легче недооценить. А именно это и нужно Командованию. Или они просто хотят, чтобы в итоге опознали и казнили меня, а не кого-то из них.

Один из членов съемочной группы, судя по татуировке на его шее, когда-то сбежавший из трущоб техов, машет мне, чтобы я садилась в кадр. Все уже готово. Другой протягивает мне красный шарф и напечатанное сообщение, которое обнародуют только через несколько месяцев.

Но когда это произойдет, когда оно разнесется по Норте и Озёрному краю, оно произведет эффект разорвавшейся бомбы.

Я встаю перед камерами, мое лицо скрыто, мой голос – холодная сталь.

«Восстаньте, алые, как рассвет».

ДАННОЕ СООБЩЕНИЕ БЫЛО РАССЕКРЕЧЕНО КОНФИДЕНЦИАЛЬНО, ТОЛЬКО ДЛЯ ВЫСШЕГО КОМАНДНОГО СОСТАВА

Оперативник: Полковник ОТРЕДАКТИРОВАНО.

Кодовое имя: ОВЕН.

Отправлено: Триал, ОК.

Получатель: КОМАНДОВАНИЕ, ОТРЕДАКТИРОВАНО.

– Команда операции УХО ВОСТРО, лидер – ХОЛИДЕЙ, столкнулась с сопротивлением в АДЕЛЕ.

– Конспиративная квартира в АДЕЛЕ уничтожена.

– Обзор операции УХО ВОСТРО:

Убиты в бою: Р. ИНДИ, Н. КАВРАЛЛ, Т. ТРЕЛЛЕР, Э. КЕЙН (4).

Жертвы (Серебряные): 0 (ноль)

Жертвы (гражданское население): Неизвестно.

ВОССТАНЬТЕ, АЛЫЕ, КАК РАССВЕТ.

ДАННОЕ СООБЩЕНИЕ БЫЛО РАССЕКРЕЧЕНО КОНФИДЕНЦИАЛЬНО, ТОЛЬКО ДЛЯ ВЫСШЕГО КОМАНДНОГО СОСТАВА

Операция КРАСНАЯ ПАУТИНА, этап 1, день 4.

Оперативник: Капитан ОТРЕДАКТИРОВАНО.

Кодовое имя: ЯГНЕНОК.

Отправлено: Причальная гавань, НРТ.

Получатель: ОВЕН, ОТРЕДАКТИРОВАНО.

– Беспрепятственный транзит через АДЕРОНАК, ВЕЛИКОЛЕСЬЕ, БОЛОТНЫЙ БЕРЕГ.

– В районе МАЯКА транзит затруднен, большое количество военных сил НРТ.

– Вступила в контакт с МОРЕХОДАМИ. Вошла в ПРИЧАЛЬНУЮ ГАВАНЬ с их помощью.

– Встретилась с ИГОНОМ, главой МОРЕХОДОВ. Оцениваю.

ВОССТАНЬТЕ, АЛЫЕ, КАК РАССВЕТ.

Как сказал бы любой хороший повар: на кухне всегда водятся крысы.

Королевство Норта точно такое же. Его трещины и щели кишат тем, что Серебряная элита назвала бы паразитами. Красные воры, контрабандисты, дезертиры, подростки, бегущие от призыва на военную службу, немощные старики, пытающиеся избежать наказания за «преступление» старости. В отдаленных районах, на севере, ближе к границе с Озёрным краем люди стараются держаться лесов и небольших деревень, находят убежище там, куда ни один уважающий себя Серебряный не пойдет. Но в таких городах, как Причальная гавань, где у Серебряных есть прекрасные дома и ужасные законы, Красные прибегают к более отчаянным мерам. И я тоже должна.

Добраться до босса Игана нелегко. Его так называемые сообщники ведут меня и моего лейтенанта Тристана через лабиринт туннелей под стенами прибрежного города. Мы

несколько раз возвращаемся назад – чтобы сбить с толку меня, а также всех, кто может попытаться последовать за нами. Я почти ожидаю, что Мелоди, вор с мягким голосом и острыми глазами, которая ведет нас, завяжет нам глаза. Вместо этого она позволяет тьме делать свою работу, и к тому времени, как мы выходим, я едва могу понять, где истинный север, не говоря уже о том, чтобы выбраться из города.

Тристан – недоверчивый человек, он хорошо усвоил этот урок в Алой гвардии. Он идет рядом со мной, засунув одну руку под куртку, не выпуская длинный нож. Мелоди и ее люди смеются над очевидной угрозой и открывают пальто и шали, демонстрируя собственное холодное оружие.

– Не волнуйся, Растяжка, – говорит она, приподнимая бровь при виде немалого роста Тристана. – Ты хорошо защищен.

Он краснеет от злости, но хватки не ослабляет. И я все еще остро ощущаю нож в ботинке, не говоря уже о пистолете, засунутом сзади в штаны.

Мелоди ведет нас через рынок, дрожащий от шума и резкого запаха рыбы. Она без труда прокладывает себе путь через толпу, и люди расступаются, чтобы дать дорогу толстой женщине. Татуировка на ее предплечье – синий якорь, вокруг которого обвивается красная веревка, – достаточно очевидное предупреждение. Она Мореход, член контрабандной организации, которую мне поручило прощупать Командование. И судя по тому, как она командует своим отрядом, чле-

ны которого подчиняются ей беспрекословно, она занимает высокое положение и пользуется большим уважением.

Я чувствую, что она меня оценивает, хотя ее глаза устремлены вперед. По этой причине я решила не брать в город на встречу с боссом остальную часть своей команды. Мы с Тристаном сможем сами оценить его действия и мотивы и подготовить отчет.

Иган, похоже, придерживается противоположного подхода.

Я ожидаю, что мы окажемся в подземной крепости, похожей на нашу Ирабеллу, но Мелоди ведет нас к древнему маяку, с обшарпанными от времени и соленого воздуха стенами. Когда-то маяк служил ориентиром, указывающим кораблям путь в порт; но сейчас он находится слишком далеко от воды, так как город разросся до гавани. Снаружи он выглядит заброшенным, его окна закрыты ставнями, а двери заперты на засов. Мореходы не обращают на это внимания. Они даже не потрудились скрыть свое приближение, хотя все мои инстинкты кричат об осторожности. Вместо этого Мелоди ведет нас по открытому рынку с высоко поднятой головой.

Толпа движется вместе с нами, как стая рыб. Обеспечивает маскировку. Она сопровождала нас всю дорогу до маяка и потрепанной, запертой двери. Я моргаю, наблюдая за происходящим, отмечая, насколько хорошо организованы Мореходы. Это вызывает уважение, это очевидно – не говоря уже о лояльности. И то, и то – ценные ресурсы для Алой

гвардии, которые нельзя получить деньгами или запугиванием. Сердце подпрыгивает у меня внутри. Мореходы действительно кажутся жизнеспособными союзниками.

Оказавшись внутри маяка, у подножия бесконечной спиральной лестницы, я чувствую, как напряжение ослабевает у меня в груди. Мне не привыкать проникать в города Серебряных, бродить по улицам с плохими намерениями. Но это определенно мне не нравится. Особенно когда рядом нет полковника – грубого, но эффективного щита от всего, что может с нами случиться.

– Вы не боитесь офицеров? – удивляюсь я вслух, наблюдая, как один из Мореходов запирает за нами дверь. – Они не знают, что вы здесь?

Мелоди снова хихикает. Она уже поднялась на дюжину ступенек и продолжает идти наверх.

– О, они знают, что мы здесь.

У Тристана глаза чуть не вылезают из орбит.

– Что?

Он бледнеет, отражая мои собственные мысли.

– Я сказала, охрана знает, что мы здесь, – повторяет она. Ее голос эхом разносится по помещению.

Когда я ставлю ногу на первую ступеньку, Тристан хватается за запястье.

– Нам нужно уходить, кап... – бормочет он, забывшись. Я не даю ему шанса произнести мое имя, пойти против правил и протоколов, которые так долго защищали нас. Вместо

этого я упираюсь предплечьем ему в трахею, изо всех сил толкая его спиной к лестнице. Он падает, и его тощее тело растягивается на нижних ступеньках.

Мое лицо пылает. Я не хочу этого делать, неважно, смотрят на нас посторонние или нет. Тристан – хороший лейтенант, хоть и страдает от приступов гиперопеки. Я не знаю, что хуже – показывать Мореходам, что в наших рядах есть разногласия, или показывать страх. Надеюсь, последнее. Тщательно взвешенным жестом пожав плечами, я отступаю назад и протягиваю Тристану руку. Но я не извиняюсь. Он знает почему.

И, не говоря больше ни слова, он следует за мной вверх по лестнице.

Мелоди пропускает нас вперед, но я чувствую на себе ее взгляд. Сейчас она точно за мной наблюдает. И я позволяю ей это делать. Мое лицо и движения остаются беспристрастными. Я изо всех сил стараюсь вести себя как полковник, быть непроницаемой и непоколебимой.

На вершине маяка из заколоченных окон можно увидеть большую часть Причальной гавани, построенной на месте другого древнего города. Узкие переулки и повороты завязанные в старый узел, лучше подходят для лошадей, чем для транспорта, и нам пришлось нырять в подворотни, чтобы нас не переехали. С этой выгодной позиции я вижу, что все сосредоточено вокруг знаменитой гавани. Тут слишком много аллей, туннелей и забытых уголков, чтобы патрулировать

их должным образом. В сочетании с высокой концентрацией Красных, Причальная гавань – идеальное место, чтобы начать деятельность Алой гвардии. Наша разведка посчитала, что город может стать самым плодотворным центром для распространения Красного восстания в Норте. В отличие от столицы, Археона, где резиденция правительства требует абсолютного командования, Причальная гавань не так контролируется.

Но все же ее защищают. На воде построена военная база, разделяющая идеальный полукруг суши и волн надвое.

«Форт-Патриот».

Центр армии, флота и военно-воздушных сил Норты – единственная в своем роде база, обслуживающая все три подразделения Серебряных вооруженных сил. Как и в остальной части города, его стены и здания выкрашены в белый цвет, увенчаны голубыми крышами и высокими серебряными шпилями. Я пытаюсь запомнить то, что вижу. Кто знает, когда могут пригодиться эти знания? А из-за бесполезной войны на севере в Форте совершенно не обращают внимания на то, что творится в городе. Солдаты стараются держаться стен Форта, а за порядком в городе следит охрана. Согласно сообщениям, они защищают своих, Серебряных граждан, но Красные жители Гавани в основном занимаются самоуправлением, самостоятельно поддерживая подобие порядка с помощью отдельных групп и банд. Таких групп существует три.

Красная стража – своего рода полиция, которая, по мере возможности, обеспечивает Красным правосудие, защищая их и обеспечивая соблюдение законов, которое не будут обеспечивать Серебряные. Они улаживают кровавые споры, расследуют преступления, совершенные против наших соотечественников, предотвращают новые злоупотребления со стороны безжалостных, окровавленных рук. Их работа признается, ее терпят даже городские чиновники, и по этой причине я к ним не пойду. Как бы благородно ни было их дело, на мой вкус, они слишком близки к Серебряным.

Но Черепа, прославленная банда, точно так же вызывают у меня подозрения. Об их жестокости говорят все – обычно я восхищаюсь этой чертой, но не сейчас. Их дело – кровь, они словно бешеные собаки. Члены банды – озлобленные, безжалостные и глупые люди, их часто казнят, а им на замену быстро приходят другие. Они контролируют свою часть города с помощью убийств и шантажа и часто попадают в конфронтации с конкурирующей организацией, Мореходами.

Которых я должна оценить сама.

– Полагаю, ты – Ягненок.

Я резко отрываюсь от созерцания панорамы города и поворачиваюсь к окнам спиной.

Человек, которого я принимаю за Игана, прислоняется к окнам с противоположной стороны комнаты. Он либо ни о чем не подозревает, либо не боится, что от падения с большой высоты его отделяет только старое стекло. Как и я, он

разыгрывает представления, показывая карты, которые ему выгодно, а остальные прячет.

Я пришла сюда только в сопровождении Тристана, чтобы сформировать у них определенный образ. Иган, окруженный Мелоди и отрядом Мореходов, пытается показать свою силу. Хочет произвести на меня впечатление.

«Хорошо».

Он скрещивает руки на груди, демонстрируя два мускулистых и покрытых шрамами предплечья, отмеченных двумя татуировками с якорями. Это напоминает мне о полковнике, хотя они совсем не похожи. Иган невысокий, приземистый, с грудью как бочонок, с пигментными пятнами на коже и длинными, просоленными волосами, заплетенными в спутанную косу. Не сомневаюсь, что он провел половину своей жизни на лодке.

– Или, по крайней мере, такое кодовое имя тебе дали, – продолжает Иган с ухмылкой. У него не хватает большего количества зубов. – Я прав?

Я уклончиво пожимаю плечами.

– Разве мое имя имеет значение?

– Вовсе нет. Только твои намерения. И они?..

Подражая его ухмылке, я прохожу в центр комнаты, стараясь избегать углубленного круга, где раньше был фонарь маяка.

– Полагаю, уже тебе известны.

В моих приказах говорилось, что нужно установить кон-

такт, но не говорилось, как именно. Необходимое упущение, чтобы убедиться, что посторонние не смогут использовать нашу переписку против нас.

– Да, я неплохо знаком с целями и тактикой твоих людей, но сейчас я говорю с тобой. Зачем ты здесь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.